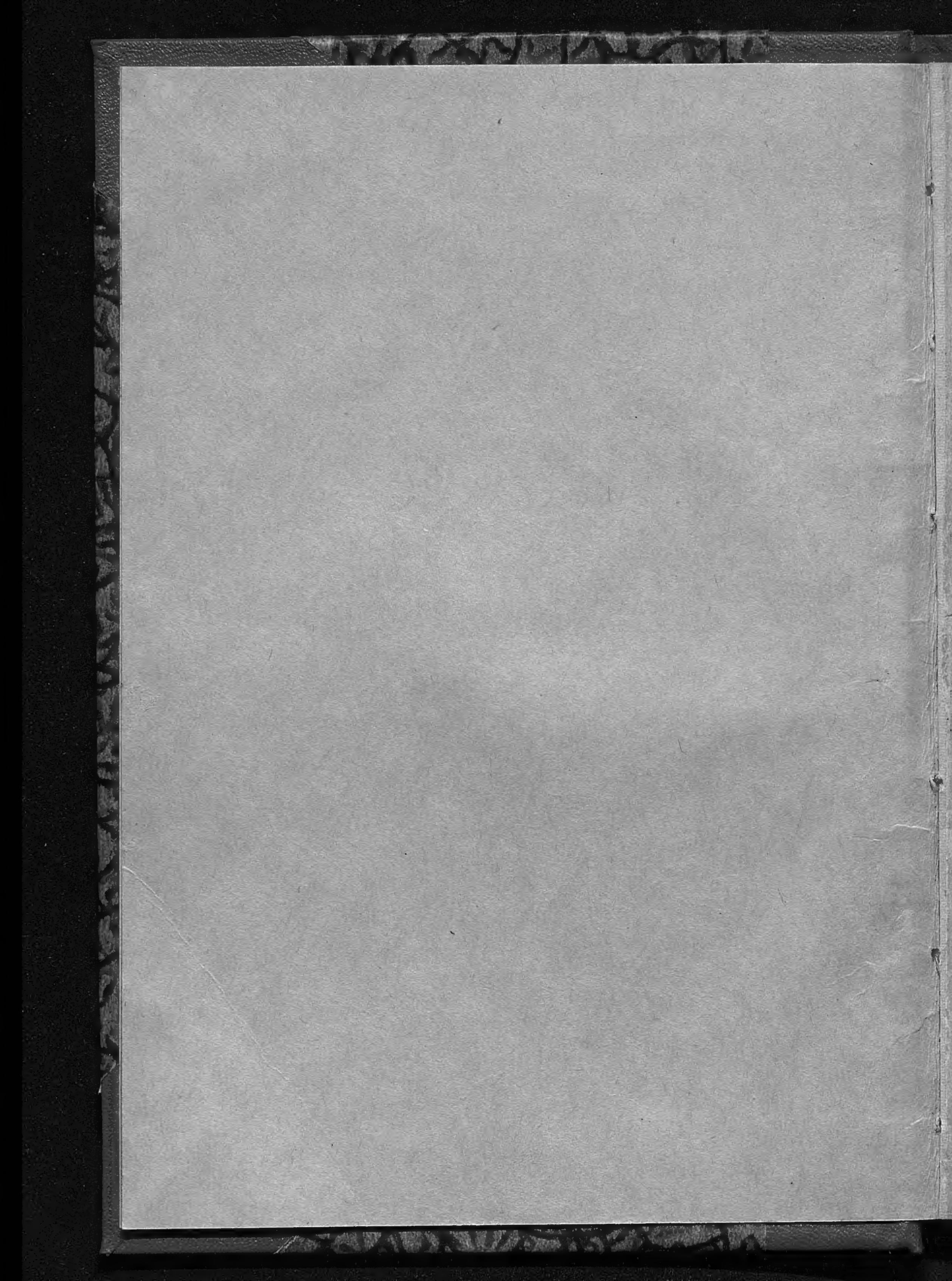
Революция
в средней
Азии.
Сб. 1.
1928.
1 экз.

ИСТПАРТ СРЕДАЗБЮРО
ЦК ВКП (Б)

РЕВОЛЮЦИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ.

СБОРНИК

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРАВДА ВОСТОКА
ТАШКЕНТ
1929

Истпарт Средазбюро ЦК ВКП(б).

Революция в Средней Азии

Сборник

1

Издательство „Правда Востока“
Ташкент
1928

Типо-литография издательства «Правда Востока»

Окрлит 90. Зак. 2918—29. г. Тираж 2500.

Содержание

От Истпарт 5

Отдел I.—**Статьи и воспоминания**

П. Антропов.—Первый с'езд коммунистической партии Туркестана (КПТ) 7

П. Алексеенков.—Кокандская автономия 21

Сенг-Заде.—К 30-летию Андижанского восстания 1898 г. . . . 41

А. Р.—Нелегальные социал-демократические газеты в Туркестане в период первой русской революции 59

В. Колчин.—От кружка до 1-го Туркестанского с'езда КСМ . . 77

Пэн.—Революция в кишлаке 89

К. Литвишко. — Первая подпольная социал-демократическая типография в Ташкенте. 94

Отдел II.—**Библиография**

П. и Г.—Революционное движение в Средней Азии в образах и картинах 98

К. Василевский.—Жозеф Кастанье—«Басмачи» 100

Б. Березкин.—С. Т. Филиппов—«Боевые действия на Закаспийском фронте» 106

Отдел III.—**Вокруг Истпарт**

Постановление Средазбюро ЦК ВКП(б) по линии Истпарт 109

Звейнек.—Истпарт ЦК КП(б)Т 111

От Истпарт

«Строить новое, укреплять и расширять партию можно с успехом только в том случае, когда есть идейная и живая связь с теми источниками, откуда берет начало молодая жизнь».

Изучение этих источников, изучение истории партии и ревдвижения приобретает особое значение в период культурной революции.

И не случайно именно XV с'езд ВКП(б), утверждая отчет центральной ревизионной комиссии, утвердил и выдвинутое ею (комиссией) положение о том, что вопросы работы Истпарт и Института Ленина «заслуживают нашего ***сугубого*** *(подчеркнуто нами—Истпарт) внимания».*

Растущее социалистическое строительство впитывает и будет впитывать в себя все новые и новые кадры рабочих, не испытавших ни гнета царизма, ни капитализма «отечественного», ни гнета колониального (в бывших колониях), не прошедших даже горнила гражданской войны. Наряду с ростом численности пролетариата, естественно, будут вливаться новые слои и в нашу партию, не связанные не только с периодом подполья, когда большевизм формировался, закалялся и складывался в мощную Ленинскую организацию, но и с традициями послереволюционного периода, когда партия «на поворотах» должна была напрягать все свои силы, чтоб отбросить от себя все чуждое ей и перевоспитать все колеблющееся.

В средне-азиатских республиках, где кадры промышленного пролетариата из местного населения стали формироваться лишь после Октября и вследствие этого больше, нежели где бы то ни было, могут быть подвержены влиянию чуждой и враждебной пролетариату идеологии, актуальное значение приобретает вопрос об изучении истории партии в Средней Азии, вопрос о том, в борьбе с какими уклонами—националистическими и шовинистическими, правыми и «левыми» и проч.—складывалась партия; в борьбе с какими силами складывался здесь Октябрь; какими своеобразными путями шла революция—национально-освободительное движение: восстание 16 г. и предыдущие, еще совершенно незатронутые марксистско-ленинским анализом.

Все эти вопросы, как и материалы по истории комсомола в Средней Азии, в виде статей, воспоминаний и документов, должны найти свое место в сборнике, к изданию которого Истпарт Средазбюро ЦК ВКП(б) переходит от отдела «Революция на Востоке» в «Коммунистической мысли»).*

В сборнике найдут отражения и основные юбилейные даты. Будут даны библиографические обзоры литературы по истории партии ревдвижения Средней Азии, а также хроника истпарт работы.

Размер сборника рассчитан на 7—8 печ. листов.

Начатая работа должна найти поддержку у бывших участников борьбы в Средней Азии, у всех научно-исследовательских организаций и отдельных работников, не только находящихся на территории б. Туркестана, а также и у широких кругов советской общественности.

Только при такой постановке дела возможно выполнение взятой на себя Истпартом далеко не легкой задачи.

---

*) Изд. САКУ 26-27 г.г. № 2—5.

П. Антропов.

Первый с'езд коммунистической партии Туркестана (КПТ).

Историю большевизма в Средней Азии, б. Туркестане, можно поделить на три периода. Первый из них охватывает 1917 г. и первую половину 1918 г. до 1-го съезда КПТ. При чем истоки этого периода уходят в эпоху революции 1905 года. Второй этап обнимает период существования КПТ с июня 1918 г. до нацразмежевания и образования из КПТ национальных компартий в средне-азиатских советских республиках.

В задачу настоящего очерка входит освещение одного из важнейших моментов в истории большевизма в Туркестане—деятельности 1-го съезда КПТ, положившего начало объединению и централизации всех коммунистических сил края: уже существующих партийных организаций, групп и ячеек. Инициатива созыва этого 1-го съезда принадлежит самой крупной организации края—ташкентской. Нужно сказать, что первоначально предполагалось провести не съезд, а только краевую партконференцию. Но в первый же день ее открытия—17 июня (1918 г.), ввиду наличия представителей от всего Туркестана, конференция постановила переименоваться в 1-й съезд коммунистической партии Туркестана.

Необходимость объединения всех партийных сил края в начале 1918 г. чувствовалась особенно остро. И экономическое и политическое положение края с каждым месяцем становилось все более трудным. Империалистическая война 1914—1917 гг. чрезвычайно сильно ударила по экономике края. Завоз хлеба и промтоваров из России сильно снизился. Курс денег падал. Цены на хлеб и товары росли даже сильнее, чем в России. Хлопководство—главный жизненный нерв хозяйства—катастрофически сокращалось. В результате, уже к зиме 1917 г. в Туркестане начали вступать в свои права и голод, и разруха. А дальнейшие события этот кризис обострили еще сильнее. В декабре 1917 г. Дутовская авантюра отрезала Туркестан от России и этим совершенно лишила край подвоза и хлеба, и товаров, и экспорта в Россию хлопка и всего производимого

в крае сырья. Особенно тяжелым уже в конце 1917 г. и начале 1918 г. было положение кишлака и аула. В ряде районов оно становилось буквально катастрофическим. Так, в некоторых районах Семиречья (Джетысу) убыль киргиз от голода, холода и болезней ко 2-й половине 1918 г. доходила до 25—50%. Аналогичное положение наблюдалось и в туркестанской жемчужине—Фергане. Понятно, что вымиранию подвергалась, главным образом, беднота. «Костлявая рука голода» железными тисками сдавила молодой еще, совершенно не окрепший организм только что начавшего советизироваться края. Нужно отметить, что особая острота экономического кризиса в Туркестане в основе своей крылась в колониальной политике российских господствующих классов, ведущих туркестанское хозяйство в его главной, хлопководческой, базе к безвыходному тупику, кризису и деградации. В результате же войны, революции и изоляции от России (Оренбургская, а затем и Закаспийская пробки) этот кризис производительных сил проявился особенно остро и резко. Колониальная политика российского помещика и буржуа тяжелыми оковами легла на плечи пролетариата и дехканских масс бывшей колонии в борьбе за Октябрь, за приобщение края к советскому строительству.

А на почве растущей экономической разрухи и продовольственного кризиса внутренняя контрреволюция, несколько присмиревшая после октябрьских побед и в России и в Туркестане и подавления кокандской белогвардейской автономии, зашевелилась вновь. Тайный и явный саботаж всех мероприятий советской власти, игра на интересах обывателя, разлагающая агитация среди менее сознательной части рабочих, подыгрывание под настроение местной националистической буржуазии и мусульманского духовенства—все это создавало чрезвычайно тяжелую для края политическую обстановку. Внешняя обстановка также все более осложнялась. Наступление на Советский Союз международного империализма начало отражаться и на Туркестане. При поддержке иностранной буржуазии свирепствовал Дутов и поднимались одно за другим восстания семиреченского казачества. В Фергане начиналось басмаческое движение. Хива и Бухара были местами, куда стягивались белогвардейские силы. В Закаспии силами и внутренней, и внешней белогвардейщины шла подготовка антисоветского переворота. Отрезанный от советской России, в таких сложнейших и тяжелейших экономических и политических условиях Туркестан должен был разрешать все стоящие перед ним колоссальнейшие задачи революции только своими собственными силами. Концентрация всех активных сил революции и ее руководящего штаба—коммунистической партии—при этих условиях была

насущнейшей необходимейшей задачей момента. В такой внутренней и внешней обстановке, 17 июня 1918 г. в Ташкенте, в доме Свободы—теперь Дом Советов—начал свои работы 1-й съезд КПТ.

Восстановить деятельность съезда во всех ее деталях, к сожалению, нет возможности, т. к. подлинных протоколов заседаний—докладов и прений—до сих пор не найдено. В качестве основного документального материала поэтому приходится использовывать краткие отчеты о заседаниях с'езда, помещенные в «Нашей Газете». Из принятых съездом резолюций сохранилось только две: по текущему моменту и о работе среди мусульманского пролетариата. Точных документальных данных о числе участников съезда у нас также нет. Об этом можно судить только приблизительно, во-первых, по числу докладчиков с мест и, во-вторых, по сохранившемуся фотографическому снимку съезда (на нем снято 43 чел.). По этим двум данным, число участников съезда, приблизительно, 40—50 человек. При чем установить число членов съезда из местного населения нет никакой возможности, т. к. два имеющихся на этот счет источника противоречивы: на карточке съезда снято из коренных национальностей только трое, а в отчете в «Нашей Газете» за 29 июня сказано: «В составе конференции огромное место занимали туземцы».

Повестка дня съезда была следующая: 1. Доклады с мест. 2. О партийной работе на местах, докладчик Тоболин. 3. Постановка работы среди мусульманского пролетариата—Ашур-Ходжаев*) и Клидлеев**). 4. Издательство—Финкельштейн Я.***). 5) Связь с партийным центром и взаимоотношение с ним—Сорокин. 6. Текущий момент—Тоболин, Шумилов***), Солькин и др. 7. Образование партийного центра Туркреспублики—Вотинцев***).

Взглянем, прежде всего, в каком состоянии перед съездом находились партийные организации на местах. Об этом можно судить и по довольно подробным докладам делегатов с мест и по ряду опубликованных к настоящему времени в печати материалов: отдельным работам, воспоминаниям и документам.

Своеобразный путь развития колониального Туркестана сильно задерживал и тормозил возникновение здесь большевистских организаций. Социал-демократические организации возникли в Туркестане впервые в период 1904-906 годов. Но в большинстве они были ярко меньшевистскими. Фракционные деления

---

*) Оказавшийся впоследствии предателем. Ред.

**) Умер в 18-м г. в гор. Ходженте. Ред.

***) Погибли в янв. 19 г. во время Ташкентского восстания. Ред.

1-й с'езд Российской Коммунистической партии (большевиков) Туркестана, Ташкент, 1918 год.

1-й ряд слева направо т. т.: Енютин, Финкельштейн В, Фоменко, Гейвандов, Фотеев, Тоболин, Азис-Ханов, следующие невыяснены. Сидят слева направо т. т.: Малкоф, Колесов, Сорокина(невыясненный), Сидоров, Салаев, Вотинцев, Гаврилов, Феоктистов, Троицкий, Солькин, Шамсутдинов, Алкенис, Баровер, Соронин. Стоят слева направо т. т.: (невыясненный), Васильев, Гордеев, Вершинин, (невыясненный), Удалов, Першин, Голиков, Финкельштейн И, Мельников, следующие 4 невыяснены, Бекташев,(невыясненный), Гордеев, Самойленко.

кое-где только намечались. Осенью 1906 года в Ташкенте состоялся 1 съезд социал-демократических организаций края, прошедший под меньшевистскими лозунгами. Поражение революции 1905 года вызвало полный разгром всех туркестанских социал-демократических организаций. В период 1908—16 года здесь социал-демократические организации не существовали. Кое-где только оставались эсдеки одиночки. И только революция 1917 года дала возможность вновь образоваться здесь социал-демократическим организациям и большевистским группам. При чем оформление и укрепление этих последних внутри общей соц.-дем. организации на первых порах, до сентября—октября 1917 г., шло довольно медленно.

В конце июня 17 г. в Ташкенте состоялся 2-й соц.-дем. (объединенный) съезд, на котором так же, как и на первом в 1906 г., господствовали меньшевики. Большевистская группа на съезде была незначительна, не имела связи с ленинским центром и недостаточно четко выявляла свою позицию. Отмежевание и оформление большевистских групп в 17 году раньше всего произошло в Коканде. В Ташкенте большевистская организация окончательно отделилась от меньшевистской только в конце 17 года, уже после октябрьских побед. К июню 1918 г.—1-му съезду КПТ—мы имели парторганизации уже в следующих пунктах края: Чарджуе, Ашхабаде, Мерве, Ташкенте, Самарканде, Коканде, Ходженте, Черняевске (Урсатьевск), Перовске, Кушке, Актюбинске и в некоторых других менее крупных пунктах и районах.

Начнем с Ташкента. Здешняя организация была одной из наиболее мощных. О ее росте свидетельствуют следующие цифры: в декабре 1917 г. было 64 человека, в апреле 18 г. уже 228, и в июне—к съезду—261 человек. При чем 28 из них были из местных национальностей (гл. образом узбеки). Кроме того, в старом Ташкенте имелось 125 человек из коренных национальностей, по выражению докладчика от Ташкента, «идущих за партией»*). В чарджуйской организации ко времени съезда было около 100 человек. Там большевики самостоятельно организовались тоже в декабре 1917 года. Велась работа в совете, устраивались ежедневно партией митинги. Агитация и пропаганда велась среди народной армии, рабочих и коренного населения. Прием в партию осторожный, после 2-х месячного кандидатского стажа. Основными недостатками в работе докладчик считает отстутствие надлежащей связи с другими парторганизациями, отсутствие партлитературы и появляющийся у членов организации индиферентизм в работе, граничащий

*) Вопрос не выяснен, кого считали «идущим за партией». *П. А.*

с обывательщиной. Об асхабадской организации сообщается, что большевистская группа там ведет усиленную работу за завоевание совета, где преобладают меньшевики, держат в своих руках местную газету. Докладчик от Мерва сообщил, что вся работа большевистских групп сосредоточена в советах. На постановку партработы нет ни людей, ни времени, поэтому она и отсутствует. Работы среди коренных национальностей тоже нет. Настроение рабочих в отношении большевиков—в массе оппозиционное. Среди членов партии заметен индиферентизм и обывательщина.

В крепости Кушка большевистская группа только в 5—7 человек. Большинство в совете за левыми эсерами. Партийной литературы никакой нет. Партия растет слабо.

В Кизил-Арвате соц.-демократическая организация образовалась в июне 1917 года. К декабрю в ней было уже 120 человек, из коих большевиков только двое. К съезду же большевистская партия насчитывает уже 140 человек. Влияние эсеров среди рабочих заметно падает. В революционном комитете 4 большевика и 3 эсера.

Докладчик от Самарканда сообщает, что сейчас в партии там около 500 человек, в числе которых много из местного населения. Издающаяся газета—в руках большевиков. Приступлено к выпуску газеты на узбекском языке. Создана агитационная комиссия для работы среди местного населения. Партия растет. Качественный состав улучшается. Произведена чистка чуждых партии элементов.

В Ходженте большевистская организация образовалась только в апреле 18 года. Число членов партии—20 человек. Совдепом руководят партийцы. Партийная работа встречает сочувствие и в среде русского и местного населения.

В Коканде большевистская организация в 30—35 человек создалась в дни октябрьского переворота. Кокандские события (борьба с автономистской белогвардейщиной) работу партии несколько приостановили. Но к съезду партия выросла уже до 200 человек. Среди местного населения ведется усиленная организационная и агитационная работа: организовано до 10 тыс. человек. Налаживается и работа по уездам; организуются советы. В областном совете 140 представителей от местного населения.

В Черняевском уезде парторганизация в 32 человека. Развернута работа среди коренного населения: создан союз в 1016 человек. Кроме того, организовано 14 профсоюзов. Проведен уездный съезд советов. Соввласть не признана только в двух кулацких селениях уезда. Да по старому все осталось на Семиреченской ж. д. Перовская большевистская организация

сильна в совете. Но сил мало, так как значительная часть их оттянута на фронт. Есть отряд красной армии в 638 человек, главным образом из киргиз. Сильна красная гвардия из перовских железнодорожников. Настроение крепкое и твердое.

В Актюбинске парторганизация в 35 человек. Главная масса в партии железнодорожные рабочие. Партработа слаба. Силы оттянуты для работы в совет и на фронт. Парторганизация в Челкаре создалась в мае 18 г., других партий там нет. Партработы нет, так как вся группа находится на фронте. Совдеп и исполком—большевистские: в исполкоме 4 большевика и 1 беспартийный.

Таким образом, большинство докладов с мест говорит в первую очередь о слабости партийной работы на местах. Главное внимание парторганизаций шло по линии борьбы за советы—удаление оттуда эсеров и кое-где меньшевиков—и помощи начинающейся борьбе на фронтах. Работа среди местного населения, хотя в большинстве организаций и велась, но была поставлена слабо. Несколько лучше она была поставлена в Коканде, а затем Самарканде. Данных о том, сколько было в партийных организациях членов партии из коренного населения, по большинству организаций у нас нет. Но что большевистская агитация при правильном подходе к вопросу встречала сочувствие в среде местного трудящегося населения, доклады с мест об этом говорят достаточно красноречиво. Было ясно, что сочувствие к партии большевиков растет, что «союзы трудящихся мусульман» и аналогичные им организации («Итифак» и др.) становятся опорой советской власти в толще местного эксплоатируемого населения.

Но эти же доклады с мест говорили о том, что парторганизации кое-где засоряются чуждыми партии элементами, что замечается индиферентизм, граничащий с обывательщиной, и что кое-где (как, например, в Мерве) партия не сумела еще повести за собой рабочих, и что последние находятся всецело под влиянием эсеров и меньшевиков.

Таков итог по состоянию партийных организаций Туркестана к 1-му съезду КПТ.

Перейдем к разбору главнейших решений съезда. Основным и актуальнейшим для съезда был вопрос о привлечении к советскому и партийному строительству трудящихся коренного населения. Принятая съездом по этому вопросу резолюция «о партийной работе среди мусульманского пролетариата» являлась громадным шагом вперед по пути действительного осуществления провозглашенной 5-м съездом советов автономии Туркестана.

Подчеркивая, что, «автономия до сего времени имеет мало реальных проявлений, которые служили бы залогом поднятия самосознания мусульманского пролетариата и привлечения его симпатий к власти», и что «мусульманский пролетариат должен быть главной опорой советской власти в Туркестане», съезд признал необходимым осуществить следующие мероприятия: 1) государственным языком, наряду с русским, объявить язык тюркский; 2) образовать комиссариаты по национальным делам при всех областных, губернских и уездных советах; 3) все официальные органы издавать на тюркском языке, организовать курсы по подготовке партийных работников из коренных национальностей; 4) создать мусульманскую красную армию; 5) приступить к созданию партлитературы на тюркском языке.

Делая весьма значительный шаг вперед по пути правильного разрешения национального вопроса, съезд, наряду с этим, проявил в данном вопросе и ряд своих ошибок, умаляющих практическое осуществление принятой съездом вышеприведенной резолюции.

Появившийся у съезда уклон в национальном вопросе—основе основ колониальной революции—шел по линии недооценки, а подчас и игнорирования роли в революции дехканских масс края.

И хотя в принятых съездом резолюциях и говорится о «широких мусульманских массах» и «беднейшем крестьянстве», но эти фразы с общей теоретической установкой резолюций не увязываются. И Ленин, и Сталин в своих речах и работах неоднократно подчеркивали, что национальный вопрос в колониях есть прежде всего вопрос крестьянский и что без правильного понимания этого последнего разрешение задач революции в отсталых колониальных и полуколониальных странах невозможно. А что туркестанские коммунисты недооценивали роли крестьянства в революции—об этом красноречиво говорит следующее место из резолюции по текущему моменту: «Что с ходом развития исторического процесса мелкие хозяйчики из более обеспеченных рабочих и крестьянские мелкобуржуазные элементы являются только временными попутчиками революционного пролетариата, несущего освобождение всем трудящимся и угнетенным массам, а рано или поздно должны будут отстать от него и даже составить опору для контрреволюции». Итак, крестьянство—«временные попутчики революции».

Такова теоретическая установка съезда по крестьянскому вопросу. А с этим у партсъезда был связан тесно другой уклон—ставка исключительно на международную революцию. Об этом свидетельствуют ряд выступлений руководящих партий-

ных товарищей, как до съезда, так на съезде и после него. Приведу наиболее характерные из них. В передовице от 20 июня 18 года, посвященной съезду, «Наша Газета» писала: «Гибель неизбежна для России, если международные хищники столкуются между собой. Спасение в одном—в восстании международного пролетариата... Дождемся мы революции на Западе прежде, чем будем захлестнуты, или умрем—неизвестно. Пусть даже, предположим, что советская Россия погибла. На трупе убитой произойдет еще худшее для наших врагов, чем было до сих пор. Нанося последний свой удар и умирая, мы будем хохотать в лицо хищникам. Пока же мы лавируем». Те же тенденции, хотя в несколько завуалированном виде, проявились и в резолюции съезда по текущему моменту. И там говорится о восстании международного пролетариата, как «единственном выходе» из создавшегося положения.

Итак, у парторганизации, по крайней мере у ее руководителей,—представителей на съезде—выявилась неправильная антиленинская установка и на задачи и движущие силы революции. Крестьянство, а следовательно, и местные дехканские массы—только «временные попутчики». Пессимизмом пахнет у съезда и оценка основной движущей силы революции—пролетариата. В резолюции по текущему моменту говорится, что «пора революционного подъема сменилась обычным для всех революций моральным разложением части революционных масс» и что «отступление и моральное разложение рабочих при успехе работы провокаторов может повлечь за собой, как необходимое следствие, победу реакции».

Эти сугубо-пессимистические оценки роли крестьянства и пролетариата влекли за собой ставку только на международную революцию. Для каждого ясно, что это оппортунистический, мелкобуржуазный уклон, что это была не ленинская, а троцкистская в своей основе установка, ни в какой степени не способствующая правильному разрешению стоящих перед партией задач революции и национального вопроса. Компартии Туркестана потребовался еще длительный период, в продолжении коего и через собственный опыт революционной борьбы, и через помощь и руководство со стороны ВКП она от этих уклонов смогла освободиться целиком.

Где же причины, вызвавшие в парторганизациях Туркестана такие мелкобуржуазные неверные, неленинские установки по ряду вопросов? Они кроются в особенностях Туркестана, как колонии, и в вытекающем отсюда своеобразии колониальной революции. Об экономическом положении края и соотношении классовых сил накануне революции и в период Октября в начале настоящей статьи уже говорилось. Здесь необходимо

выставленные там положения охарактеризовать только подробнее. Прежде всего нужно указать, что европейские пролетарские кадры, вынесшие на себе всю тяжесть Октября, были здесь незначительны. Индустриального же пролетариата из местных национальностей к началу революции еще не было. В силу ряда специфических особенностей колониального господства в Туркестане российского капитала, здесь шла не пролетаризация, а пауперизация дехканства. Главную массу европейского пролетариата составляли железнодорожные рабочие, сосредоточенные по узловым пунктам железнодорожных линий, в значительной своей части пришлые, мало связанные с краем и его местным населением. Что же касается населяющего край русского крестьянства, то в старожильской своей части оно было по преимуществу кулацким. Вообще же населяющее край русское крестьянство волей помещичьей России было поставлено по отношению к коренному населению, к дехканству в роль «практического колонизатора» и объективно поддерживать правильное разрешение национального вопроса не могло даже тогда, когда с оружием в руках защищало советскую власть.

Колониально-переселенческая политика царского самодержавия создала здесь между русским и местным крестьянством такое экономическое противоречие, которое явилось помехой в разрешении задач колониальной революции. Классическая область переселенческой политики—Семиречье—яркий пример такого противоречия.

Своеобразна была здесь и третья европейская сила—буржуазно-чиновничья и интеллигентская прослойка. «От 1/3 до 1/2 всего русского населения Туркестана составляли профессионально-паразитические сословия—дворяне, чиновники, духовенство, купцы—эти живые силы «колонизационного аппарата». Эти прослойки были и идеологами и практическими выполнителями колониальной политики, были колонизаторами. Эта среда не могла не наложить своей печати и на развернувшуюся революцию. Тем более, что пролетарские кадры по сравнению с этой прослойкой даже количественно были малы. Эта прослойка явилась широчайшей питательной средой, как для роста мелко-буржуазных партий—до меньшевиков, интернационалистов и левых эсеров включительно, так и для проникновения в партийную большевистскую среду охарактеризованных выше мелко-буржуазных уклонов вплоть до колонизаторских. Здесь же причины и перманентных в первые годы революции засорений партии чуждыми элементами, о чем свидетельствовали докладчики с мест уже на разбираемом нами 1-м съезде КПТ. Таковы в Туркестане были прослойки европейские, русские.

Что же касается местных дехканских масс, то, несмотря на огромный сдвиг среди них, сделанный 1916 и 1917 годами, они еще ни экономически, ни политически не высвободились из под влияния господствующей над ними торгово-ростовщической и феодальной верхушки.

Октябрьская революция, совершенная в Туркестане волею рабочих и солдат, на первых порах в среде местного трудящегося населения встречала чаще нейтральное, чем сочувствующее отношение. Завоевание местных эксплоатируемых масс на сторону совласти шло медленным путем. Ни у партии, ни у советской власти, занятых, главным образом, борьбой с контрреволюцией, не оказалось на первых порах ни уменья, ни сил к более быстрому и безболезненному привлечению трудящихся масс из местного населения на свою сторону.

Наконец, необходимо остановиться еще на двух вопросах, так или иначе влияющих на развитие компартии Туркестана. Оторванность от России, от руководящего партийного штаба, лишала туркестанских коммунистов и живого непосредственного руководства и чрезвычайно затрудняла руководство посредственно-директивное, обрекая их этим на «самобытное» разрешение вопросов. И последнее: парторганизации края были молоды, не прошли школы длительной революционной закалки, не имели традиций, опыта, не выработали крепких руководящих по ленински подкованных кадров, не имели общепризнанных в крае вождей с четкой ленинской линией. Вот основные причины и мелкобуржуазных и колонизаторских уклонов и до 1 съезда КПТ и на съезде и даже после него. Партийные организации Туркестана формировались наспех, в пылу революционных битв, при наличии небольшой пролетарской прослойки в сильном колонизаторском мелкобуржуазном окружении и в условиях политической и культурной отсталости трудящихся коренных национальностей.

На этом же первом съезде КПТ начал обнаруживаться и другой мелкобуржуазно-националистический уклон пантюркистского порядка. Так, в докладах и резолюциях говорится все время о «мусульманском пролетариате», как едином целом. Государственным языком объявляется «тюркский». Далее, по линии методов агитации и пропаганды среди местного населения, участником съезда Кливлеевым (командированным на работу в Туркестан центром) был предложен метод от корана. Сам Кливлеев излагал этот вопрос следующим образом: «Сам по себе вопрос мусульманский в высшей степени серьезен и подходить к нему приходится весьма осторожно. Я подошел к нему, опираясь на религию, на коран. Научно изучив его

и все учения мусульманского пророка Маххамеда, я убедился в социалистическом направлении его мысли, больше того, я признал в нем коммуниста. Развивая положение своей партии и в то же время подтверждая их соответствующими выдержками из корана, мне удалось захватывать все внимание масс—зажигать эту массу светлым чувством энтузиазма. Резолюции наши в таких случаях обыкновенно принимались единогласно, не исключая «улемистов».

Понятно, что подход Кливлеева к работе среди местного населения был не партийным, не марксистским. Кливлеевщина—это была попытка протащить в партию чуждые ей либерально-буржуазные взгляды, ничего общего с коммунизмом не имеющие. Предложенные Кливлеевым методы от корана подавляющим большинством съезда были отвергнуты. Но и принятая съездом терминология «мусульманский пролетариат», «тюркский язык» и отвергнутые Кливлеевские методы—вещи одной социальной природы: отзвуки пантюркизма, приносимые в партийную среду из арсенала либерально-буржуазных, националистических, джадидских и им аналогичных течений.

Причины проникновения таких уклонов в партию прежде всего—слабость самой парторганизации, не сумевшей противопоставлять этим течениям правильной большевистской линии и в отсутствии пролетарских прослоек в среде местных национальностей, в силу чего партийные кадры вербовались из полупролетариата и мелкобуржуазной интеллигенции и из непрошедшего достаточной классовой дифференциации дехканства.

Стоящий на съезде вопрос о связи с центром докладчик аргументировал следующим образом: «Для установления тесной связи с Москвой, где должен быть создан особый генеральный совет из представителей нашей партии от всех советских федераций, для руководства партийной жизнью, мы должны послать в Москву и своего делегата, как представителя ЦК Туркреспублики».

Из этой фразы докладчика и всей его дальнейшей речи видно, что построение ЦК РКП мыслилось, как федеративный орган, пропорционально представляющий местные парторганизации. Эта идея не имеет ничего общего с организационными принципами большевизма и отражает тенденции, типичные для российских экономистов в эпоху их борьбы против старой «Искры». Словом, в вопросе организации российского партцентра съезд выказал антиленинскую позицию.

Из остальных вопросов съезда заслуживает внимание отношение съезда к партии левых эсеров и дашнак-цутюн. И докладчики по основным вопросам, и выступающие ораторы, когда

касались левых эсеров, социальную природу их определяли совершенно правильно. Но о формах и методах борьбы с левоэсеровскими организациями на съезде речи не было. Несколько иная картина в отношении армянской националистической партии душнак-цутюн. Представитель ее краевого съезда выступил на съезде с приветствием, основные положения которого заключались в следующем: «Истинно революционный ваш дух близок нам; с ним мы связаны органически». «Много, товарищи, перенесла армянская нация, ее почти поголовно истребили наши заклятые враги—турки, много потеряли мы со стороны царских сатрапов.... Только меньшевистские изменники г. г. Чхенкели, Джоржан и другие вырвали нас из души советской социалистической федеративной республики, отдав на истязание турок, но они, хотя бы и ценою наших жизней, будут стерты с лица Кавказа.... По первому зову, товарищи, наши боевые, испытанные в вековой борьбе отряды, будут с вами».

От имени съезда Тоболин, поблагодарив представителя дашнаков, сказал следующие: «Разделяя высказанную вашу точку зрения, впредь в борьбе за осуществление прав пролетариата и его идеалов мы будем видеть в лице революционной партии дашнак-цутюн своего союзника и надеяться, в случае угроз или наглых поползновений хищного империализма, иметь вас плечом к плечу в своих боевых отрядах». Даже теперь, после той сугубо отрицательной роли, какую сыграли дашнаки в период кокандской автономии, мелкобуржуазная националистическая сущность этой партии для съезда осталась все еще непонятой. Понятно, что разрешать в Туркестане национальный вопрос в союзе с дашнаками партии было не по пути. И безапелляционное причисление съездом дашнаков к своим союзникам было крупнейшей ошибкой.

Но несмотря на все перечисленные здесь при решении нац. вопроса ошибки и извращения, 1-й с‘езд КПТ показал, что парторганизации края вплотную к этому вопросу начали подходить и рядом своих решений на с‘езде сделали в нем заметный шаг вперед.

В самом деле, если на 2-м съезде социал-демократической (объединенной) партии Туркестана в июне 1917 года меньшевики, при молчаливом согласии маленькой тогда еще группки большевиков, беспомощно бормотали о пресловутой «культурно-национальной автономии» и если на 3-м съезде советов 19 ноября 1917 года комфракция большевиков (их поддерживали и максималисты) считала, что «включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым», то через 5 месяцев на пятом

съезде советов Туркестана 30 апреля 1918 г. было принято постановление об автономии Туркестана; чем, как писала «Наша газета»—«съезд советов отдал судьбу Туркестана в руки самого народа, населяющего его, и тем самым поставил этот народ в ряды активных борцов за дело всемирного пролетариата». Собравшийся через полтора месяца после этого 1-й съезд КПТ своими резолюциями, хотя и не целиком большевистски выдержанными и подчас противоречивыми, подтвердил, углубил и конкретизировал то, что было дано 5-м съездом.

В тезисах второго конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам роль партии в колониях формулирована следующим образом: «Первым шагом революции в колониях должно быть свержение иностранного капитала. Но самой главной и необходимой задачей является создание коммунистической организации крестьян и рабочих, которая могла бы вести их за собой к революции и основанию советской республики. Таким образом, в отсталых странах народные массы будут приобщены к коммунизму не через капиталистическое развитие, а путем развития классового самосознания под руководством сознательного пролетариата передовых стран».

1-й съезд КПТ, несмотря на все ошибки, и явился одним из крупнейших этапов по пути создания и укрепления компартии в бывшей царской колонии и втягивания в компартию рабочедехканских масс местного населения.

Объединенная на этом съезде парторганизация смогла выдержать на себе всю тяжесть борьбы на многочисленных фронтах Туркреспублики и против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции; сумела преодолеть в дальнейшем своем развитии уклоны и справа и слева, великодержавные и пантюркистские и под руководством ВКП(б) твердо стать на ленинский путь и в разрешении национального вопроса, и в социалистическом строительстве средне-азиатских республик, и в росте и укреплении своих рядов.

КПТ создала средне-азиатские национальные компартии—эти могучие рычаги по «приобщению к коммунизму» отсталых коренных народностей бывшей царской колонии.

П. Алексеенков.

Кокандская автономия.

I.

Национально-освободительное движение до февральского периода боролось:

1) с засильем российского торгово-промышленного капитала и за создание условий, благоприятствующих развитию национального капитала;

2) за изменение политических взаимоотношений между Туркестаном и Россией;

3) за ново-методную национальную школу и за повышение культурного уровня коренного населения Туркестана.

Рассмотрим значение каждого из этих моментов в отдельности.

1. Русское правительство усиленно внедряло в массы, так называемую, русско-туземную школу, единственная цель которой заключалась не в повышении культурного уровня населения страны, а в его руссификации. Развитие же капиталистических отношений в Туркестане на базе роста хлопководства и фабрично-заводской промышленности в Туркестане настоятельно требовали повышения культурного уровня, как сельского, так и городского населения страны, в этих условиях идея насаждения ново-методной школы на родном языке являлась идеей сугубо-прогрессивной, так как широкое насаждение ново-методной школы в тех условиях постепенно заставило бы отмереть старо-методную религиозную школу, наиболее резко бросающийся в глаза пережиток эпохи феодализма.

2. Быстрое развитие национально-промышленного капитала, выявившееся еще в последние годы прошлого столетия, царскому правительству уже начало внушать большие опасения. Поэтому правительство, защищавшее в Туркестане интересы российского капитала, систематически боролось с развитием национального капитала. Это в конечном счете сводилось к борьбе с ростом капиталистических отношений в Туркестане вообще и к задержке роста производительных сил края.

Борьба с этой политикой царского правительства являлась борьбой за создание условий, благоприятствующих росту и

развитию национального промышленного капитала, что в конечном счете содействовало развитию производительных сил Туркестана. Это значит, что борьба была безусловно прогрессивной.

3. Борьба за расширение политических прав Туркестана велась очень осторожно и потому резко не бросалась в глаза. Прогрессивность этой борьбы ясна без всяких доказательств.

Это конкретное содержание национально-освободительного движения в Туркестане до февральской революции в основном сводилось к двум моментам.

Первый момент, это содействие происходившему тогда процессу сложения раздробленных туркестанских племен и родов в нации. Рост капиталистических отношений, рост капиталистических связей отдельных племен между собою содействовал слиянию их в нации: узбекскую, киргизскую, туркменскую и таджикскую. Борьба с разлагающим влиянием русского империализма содействовала этому же не в меньшей степени, а повышение культурного уровня населения страны содействовало сознаню себя, как нации.

Второй момент сводился к ослаблению русского империализма. Содействие росту национального промышленного капитала было ничем иным, как ослаблением экономической мощи русского империализма, борьба за расширение политической самостоятельности Туркестана приводила к его (империализма) политическому ослаблению, а рост культурного уровня населения страны, в конечном счете должен был привести к количественному и качественному росту тех сил, которые можно было противопоставить русскому империализму.

Таким образом, мы видим, что национально-освободительное движение с начала нашего столетия вплоть до февральской революции, как по своему конкретному содержанию, так и по тем объективным результатам, к которым оно приводило, было движением безусловно прогрессивным.

В период февральской революции национальное движение раскололось на два течения. Из общего русла национально-освободительного движения выделилось движение национальных рабочих, увлекших за собой и часть мелкой буржуазии и интеллигенции. Но даже и правое течение в национально-освободительном движении в этот период все еще оставалось относительно прогрессивным, поскольку ему приходилось вести ту или иную борьбу с русским империализмом.

Содержание борьбы за национальное освобождение Туркестана в это время по существу оставалось прежним, хотя задачи были поставлены значительно более ясно и конкретно. Был, например, решительно поставлен вопрос о прекращении крестьян-

ской колонизации, о возвращении киргизам части земель, ранее у них отнятых царским правительством, ставился вопрос об уравнении в правах всего населения Туркестана, более отчетливо был поставлен лозунг автономии Туркестана и т. д. и т. д. Но поскольку российская буржуазия, ставшая после февральской революции у кормила правления, не имела никакого желания производить какие бы то ни было изменения в Туркестане, постольку национальной туркестанской буржуазии приходилось вести борьбу за каждую из этих задач в отдельности.

Октябрьская революция совершенно изменила сущность буржуазно-национального движения в Туркестане. Из прогрессивного оно превратилось в контр-революционное движение.

Как это произошло?

Октябрьская революция уничтожила власть русского империализма, но вовсе не для того, чтобы дать возможность национальной туркестанской буржуазии эксплоатировать туркестанских рабочих и дехканство, а для того, чтобы уничтожить всякую эксплоатацию и в том числе эксплоатацию национальной буржуазией.

Октябрьская революция действительно создала такую политическую обстановку в Туркестане, что производительные силы страны и в том числе культурный уровень населения Туркестана могли бы расти и развиваться наибыстрейшим образом. Но национальная туркестанская буржуазия при наличии советской власти ни в коей мере не могла использовать этот рост производительных сил страны в своих собственных интересах, ибо Октябрьская революция развязывала рост производительных сил для строительства социализма.

Со своей неизбежной политической смертью национальная туркестанская буржуазия примириться, конечно, не могла. Ей хотелось жить, эксплоатировать туркестанских рабочих и дехкан. Поэтому, она продолжает борьбу, но уже не с русским империализмом, а с властью российских и туркестанских рабочих и крестьян и, в первую очередь, с властью туркестанских рабочих и дехкан.

Наши ошибки в национальном вопросе и их значение.

До сих пор еще очень и очень многие не отказались от той мысли, что, якобы, кокандская автономия является продуктом ошибок нашей партии в национальном вопросе, а по мнению других—результатом всех наших ошибок того времени вообще.

В качестве образца подобной трактовки данного вопроса можно привести отрывок из статьи некоего В. Дориомедова—

«Кокандские события», помещенной в одном из мартовских номеров газеты «Знамя Свободы» (1918 год). В этой статье мы можем прочитать следующее:

> «Власть Советов народных комиссаров и советов солдатских и рабочих депутатов оказалась совершенно бессильной, как защитить страну от внешних опасностей, так и водворить в ней хотя бы элементарный внутренний порядок, обеспечивающий гражданам возможность спокойной мирной работы.
>
> Добрые намерения советов совершенно разбиваются о полное нежелание подчиняться им со стороны даже тех, кто их избрал.
>
> Второй причиной является демагогическая и двуличная политика петроградского совета народных комиссаров, которые, с одной стороны, предлагают всем народам отделиться от России, говорят о полном самоопределении народов, а потом, когда зерно, посеянное ими же, взойдет, так устраивают кровавые бойни.
>
> Надо только при этом вспомнить воззвание Ленина к мусульманам, распространенное в миллионах экземпляров. В этом воззвании он призывал мусульман к изгнанию европейцев из всех мусульманских стран. Воззвание это не должно быть забыто.*)
>
> Об автономии говорили усиленно везде в советах рабочих и солдатских депутатов, на съездах—все ее хвалили и в то же время все чувствовали, что во всех этих разговорах есть какая то фальшь, что то недоговоренное».

Так господин Дориомедов, бывший скобелевский городской голова, писал вскоре после ликвидации кокандской автономии. Но приблизительно такие же вещи, конечно, значительно более мягкие, можно услышать и в наши дни.

Чем объясняется распространенность этого совершенно ни на чем не обоснованного мнения. С одной стороны, это является продуктом прежней бешеной борьбы всех контрреволюционных сил, направленной против советской власти и особенно широко имевшей место в первые годы после Октябрьской революции. А, с другой стороны, такое мнение является результатом простой ограниченности политического кругозора нашего мещанства и обмещанившейся части интеллигенции. Просто люди не могут понять, что и от чего происходит.

Это обстоятельство заставляет нас подробно остановиться на наших ошибках того времени и на их последствиях. Но прежде, чем говорить об этих ошибках, необходимо хотя бы вкратце остановиться на той политической обстановке, в которой эти события развертывались.

Политическая обстановка Туркестана того времени складывалась из следующих моментов:

1. Незначительность рабочего класса и особые условия его существования до Октябрьской революции.

---

*) Я не знаю, жив ли этот господин Дориомедов, а то бы ему можно было бы посоветовать самому прочитать это воззвание и хорошенько его продумать, чтобы больше не писать такой ахинеи.—*П. А.*

2. Слабость классовой дифференциации коренного населения страны.

3. Отрыв от центра пролетарской революции и окружение Туркестана кулацко-казачьей контр-революцией.

4. Наличие недурно организованной контр-революции в самом Туркестане.

5. Молодость и, вследствие этого, недостаточная опытность коммунистической организации и советской власти Туркестана.

Более подробно останавливаться на этих моментах мы считаем излишним, ибо само перечисление их дает достаточно полную картину тогдашнего политического состояния Туркестана.

Теперь мы вернемся к нашим политическим ошибкам того времени.

Прежде всего, были-ли в действительности в то время допущены нами какие-нибудь политические ошибки?

Да, были. И скрывать нам эти свои политические ошибки совершенно ненужно. Даже больше того, всякая попытка кого-нибудь из нас скрыть эти ошибки ничего кроме вреда для нашей партии и революции не принесет.

В чем же они заключались?

Наша главнейшая и наиболее серьезная ошибка заключалась в действительно неверной и даже трудно объяснимой политической линии в области национального вопроса.

Чтобы дать наиболее реальное представление об этой нашей ошибке, я приведу выдержку из отчета о заседаниях первого после Октябрьской революции (IV) в ноябре 17 г. съезда советов тогда еще Туркестанского края, напечатанного в «Нашей Газете»:

> «По открытии заседания от фракции большевиков (и максималистов) прочитывается следующая декларация:
>
> «Признавая существующую центральную власть и формы ее организации, объединенная фракция большевиков и максималистов считает высшим краевым органом Краевой Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, который отныне именуется советом народных комиссаров Туркестанского края, вместе с тем фракция, поддерживая намеченную схему организации краевой власти, оглашенную ее представителем в первом заседании съезда, считает необходимым разъяснить, что ею отнюдь не устраняются от участия в активной работе широкие слои населения, так как каждый из народных комиссаров, стоящий во главе той или иной отрасли жизни края, будет иметь руководящее значение каждый в своей сфере деятельности, проводниками же в жизнь выставляемых всем советом народных комиссаров принципов явятся те съезды представителей с мест, не исключая и мусульман, которые будут периодически созываться тем или иным народным комиссаром, по вопросам той или иной сферы хозяйственной и государственной жизни края, а также и те организации, которые созданы в настоящее время на местах.

БАБУШКИН, Ефим Андрианович.

Е. А. Бабушкин большевик с 903 г. (принимал участие в ревдвижении с 902 г.), первый председатель-большевик Кокандского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и как таковой подвергается в первую очередь вооруженному налету со стороны банд кокандского автономного правительства.

Е. А. был командирован партией в Коканд для работы, по возвращении в 17 г. в Петроград из сибирской ссылки, где пробыл с 1910 г.

В Коканде товарищ сколачивает отдельных большевиков в августе —сентябре 17 г. в первую оформленную группу С.-Д. большевиков в Туркестане, главным образом рабочих типографий и железнодорожников и является ее фактическим руководителем до командирования его в Афганистан (конец 18 г.) в качестве полномочного советского представителя. Там он арестовывается англичанами и увозится в Индию.

Только в 1921 году удается Е. А. вернуться в Советскую Россию. Он работал в Сталинграде и др. местах, последнее время в Москве, где и скончался 31/VIII—27 года.

Таким образом, ни местное туземное население, ни местные интеллигентные силы не устраняются от активной работы по улучшению быта и жизни края, а наоборот, привлекаются к этой работе.

Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым, как в виду полной неопределенности отношения туземного населения к власти С. С. Р. и К. Д., так и в виду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органы высшей краевой власти фракция приветствовала бы.

Включение в органы высшей краевой власти представительства оборонческих групп фракция считает недопустимым, т. к. они активно боролись, отстаивая власть временного правительства, изменившего революционной демократии.

При такой организации власти края, как представляет себе фракция, каждый народный комиссар является ответственным перед всем советом народных комиссаров, а совет—перед съездом ССР и КД, созываемым каждые два месяца советом народных комиссаров».

Мы выписали всю декларацию нашей фракции, чтобы показать, что в ней нет ни единого слова по поводу того, что в то время наиболее интересовало положительно все слои коренного населения страны, это—по вопросу об автономии Туркестана.

Агитация за автономию Туркестана среди местного населения началась еще со времени Февральской революции и, кстати сказать, находила широкий отклик среди городской мелкой буржуазии и дехканства.

Упорство, с которым сначала кадетский, а затем меньшевистский состав Туркестанского комитета противился проведению автономии даже в самомалейшей степени, еще более обостряло этот вопрос.

Нашей партийной организации нужно было немедленно после того, как мы захватили власть, объявить и провести на деле эту автономию Туркестана под гегемонией пролетариата. Таким решением вопроса мы безусловно завоевали бы симпатии и поддержку не только рабочих, ремесленников и дехканства, но и других слоев мелкой буржуазии и в том числе интеллигенции.

Вместо этого, сами того не замечая, мы дали возможность своим противникам обвинить нас в продолжении старой политики царского правительства.

Более того, заверяя всех в том, что «ни местное туземное население, ни местные интеллигентные силы не устраняются от активной работы по улучшению быта и жизни края, а наоборот, привлекаются к этой работе», в то же время говорилось, что «включение мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым».

По форме такая постановка вопроса, будучи сама по себе безусловно неверной, небольшевистской приводила к тому,

что на Съезде Советов решали, что в областях и уездах коренное население нужно привлечь к управлению страной, но пустить представителей местного населения в центральные краевые органы не решались. Не доверяя коренному населению страны, не считаясь ни с местным населением, ни с его своеобразными условиями, «тащили» его к социализму.

В декларациях допускали, что в областях и уездах к управлению страной можно допустить и представителей местного населения. Но те, кто сидел в областях и уездах, свою работу областного или уездного масштаба тоже считали «великим, историческим делом», на которое способны только русские рабочие, русские большевики, но доверить которую представителям коренного населения совершенно, мол, невозможно.

В конце концов, мы доходили до того, что коренному населению мы предоставляли только кишлак и самое высшее— волость.

Конечно, были случаи правильного подхода к разрешению национального вопроса даже в этот, самый тяжелый для нас период, но общая тенденция была именно та, о которой выше уже говорилось.

Что эта наша тогдашняя политика в национальном вопросе, политика, проводимая не всей партией в целом, а только ее наиболее слабой, туркестанской организацией, была не верна, это ясно для каждого, кто мало-мальски вдумывался в этот вопрос.

Почему же наша тогдашняя туркестанская партийная организация не учла этих моментов и заняла в данном вопросе совершенно неверную, идущую в разрез с нашей партийной программой позицию? Чтобы разобраться в этом опросе, нужно вспомнить тот факт, что, во-первых, рабочий класс в Туркестане был весьма малочислен, а во-вторых, и это самое главное, русский сектор рабочего класса в Туркестане, игравший, без сомнения, руководящую роль в революции Туркестана, до революции пользовался в известной степени привилегированным положением. На предприятиях русские рабочие занимали, за малым исключением, преимущественно места квалифицированных и потому высокооплачиваемых рабочих.

Тот националистический дурман, который весьма усиленно распространяло и культивировало царское правительство и русская буржуазия, в известной мере оказывал соответствующее влияние и на рабочих, которые постепенно привыкали смотреть на своего собрата—рабочего узбека, туркмена или киргиза до некоторой степени свысока.

Вот основная причина того, что наша туркестанская партийная организация не смогла правильно, по большевистски раз-

решить стоявшие перед ней задачи в области национального вопроса.

Мы остановились на наших ошибках того времени не для того, чтобы искать виновных и не для того, чтобы оправдывать эти ошибки, а для того, чтобы их выявить и более или менее точно выяснить, каковы же были последствия этих ошибок, и правильно ли то положение, что кокандская автономия является результатом наших ошибок.

Выше мы уже видели, что действительная причина кокандской автономии заключается в том, что, как туркестанская националь ная, так и русская буржуазия не могли примириться с властью пролетариата, с утерей своих капиталов и связанного с ним господствующего положения. Как национальной, так и русской буржуазии нужно было вернуть свое прежнее господствующее положение в государстве, свои капиталы, а для этого нужно было в какой-то форме, под каким-то лозунгом бороться с молодой советской властью.

Неважны, в конце концов, лозунги, под которыми происходила эта борьба, неважны формы, в которые она вылилась, а важно ее содержание, важен ее смысл, а содержание этого выступления заключалось именно в контр-революции, именно в попытке свергнуть еще молодую советскую власть и снова установить власть капитала.

Не автономия Туркестана, а именно свержение советской власти, именно контр-революция являлась содержанием этого выступления. «Автономия Туркестана» являлась только наиболее выигрышным для тогдашних условий лозунгом, за которым вместе с буржуазией могли бы пойти более широкие массы: ремесленники и дехканство.

Таким образом, в вопросе о кокандской автономии наши ошибки имеют значение лишь постольку, поскольку объединенная контр-революция Туркестана использовала эти наши ошибки и чрезвычайно выигрышный для нее лозунг «Автономия Туркестана» со всеми вытекающими отсюда последствиями: с одной стороны, территориальный размах этого движения, а с другой—расстановка классовых сил в процессе возникшей борьбы и, следовательно, затяжка этого процесса во времени.

В этом и только в этом можно винить нашу партийную организацию, и в этих ошибках мы должны признаться. Туркестанская объединенная национальная и российская буржуазия в значительной мере была бы обезоружена, лозунг «автономии Туркестана» она использовать уже не могла бы, и в результате она вынуждена была бы вступить с нами в борьбу под более откровенными в смысле контр-революционности лозунгами, при-

близительно такими же лозунгами, с какими вступала с нами в борьбу русская буржуазия в Центральной России.

А раз лозунги были бы иные, раз контр-революция в этих лозунгах выступала бы более отчетливо, более ярко, то всякому легче было бы разобраться в них и, следовательно, расстановка классовых сил в этой борьбе была бы в значительной степени иная, со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде территориального размаха и размеров этой борьбы. Как территориальный размах, так и размеры той борьбы, которую мы называем кокандской автономией, были бы до некоторой степени уже и меньше и, следовательно, бороться нам с этой контр-революцией было бы в значительной степени легче.

Вот каково действительное значение наших ошибок.

Периоды кокандской автономии.

Рассматривать историю кокандской автономии всю целиком, без подразделения ее на периоды, совершено невозможно, несмотря на то, что она обнимает собою всего лишь несколько месяцев. Бурные события того времени, быстрые нарастания и смена общественных настроений, частые и весьма решительные сдвиги в области общественных группировок и их взаимоотношений—все это может быть освещено с наибольшей полнотой только в том случае, если все это движение будет подразделено на соответствующие периоды и по ним рассмотрено.

Историю кокандской автономии необходимо подразделить на четыре периода: 1) подготовки, 2) буржуазного руководства, 3) улемистского руководства и, наконец, 4) период ликвидации.

Остановимся на основных моментах каждого из этих периодов.

Первый период, период подготовки кокандской автономии, начинается с момента Октябрьской революции и кончается IV чрезвычайным краевым мусульманским съездом (9—11 декабря 1917 г.).

Характерной чертой этого периода является нарастание контр-революционного движения, подготовка и организация сил контр-революции к предстоящим открытым боям с только что народившейся советской властью.

Соотношение, расстановка классовых сил в этот период представляется в следующем виде. По одну сторону, под знаменами советской власти и под руководством коммунистической партии стоит рабочий класс и примыкающая к нему часть мелкой городской буржуазии, преимущественно русской. Относительно национального сектора рабочего класса необходимо отметить, что часть его, благодаря своему специфическому положению в производстве и благодаря низкому уровню раз-

вития, недостаточно активно поддерживает советскую власть, а некоторая часть занимает даже позицию нейтралитета.

По другую сторону баррикад при активном сотрудничестве социал-соглашательских партий стоит национальная и российская буржуазия.

С момента Октябрьской революции, российская буржуазия, находившаяся в состоянии постоянной хотя и. недостаточно ярко выраженной борьбы с национальной буржуазией, возглавлявшей национально-освободительное движение в Туркестане, решила пересмотреть свое отношение к национальной буржуазии; мало того, что она пошла с ней на примирение, она согласилась на то, чтобы национальная буржуазия формально стояла во главе борьбы с советской властью, сама же согласилась занять второстепенное место, оставаться в тени, хотя за кулисами фактически руководила всем движением.

Все же гегемоном движения была национальная промышленная буржуазия.

Национальная интеллигенция после Октябрьской революции пошла вместе с буржуазией и была ее агитпропом.

Несколько иначе обстоит дело с улемой, позиция которой в первое время после Октябрьской революции была двойственная. В большинстве городов Туркестана, особенно в Фергане, улема немедленно после Октябрьской революции открыто и решительно стала на сторону противников советской власти.

Но это было не везде. Например, ташкентская улема присылала свою делегацию на IV краевой съезд советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, которому предлагала союз и поддержку при условии, если съезд примет решение, что коренное население страны будет управляться по шариату.

Можно ли рассматривать этот факт, как попытку улемы войти в действительное соглашение с советской властью? Улема знала, что на такое соглашение советская власть не пойдет, но ей нужен был открытый и вполне определенный отказ советской власти от управления страной на основе шариата с тем, чтобы использовать этот отказ в интересах агитации среди той части коренного населения, которая находилась под влиянием улемы.

Само собой разумеется, что съезд советов отказал улеме в каком бы то ни было соглашении с нею. Улема в целом, в то время еще довольно многочисленная и имевшая большое влияние на культурно-отсталое дехканство Туркестана, пошла на соглашение с буржуазией и вполне определенно встала на сторону подготовлявшейся буржуазией контр-революции. Этот переход улемы на сторону подготовлявшейся в Коканде

авантюры вполне закончился уже к моменту 4-го съезда «Шура-и-исламия», т.-е. к концу первого периода.

Позицию дехканства в этот период необходимо охарактеризовать, как дружественный по отношению к советской власти нейтралитет. До Октябрьской революции, благодаря общей политике Временного правительства в Туркестане, дехканство в массе своей было против Временного правительства, но решительно стать на сторону рабочего класса во время и в ближайшее время после Октябрьской революции оно, конечно, не могло. Для активного и решительного выступления на стороне рабочего класса ему нехватало трех вещей: 1) понимания своих основных экономических и политических интересов, 2) достаточной для активного выступления организованности и 3) достаточного внимания рабочего класса и понимания им необходимости вовлечения дехканства в эту активную борьбу.

Мы ставим особое ударение на последнем моменте, чтобы решительно подчеркнуть нашу ошибку в этом отношении. За редким исключением в то время в Туркестане наши партийные организации страдали меньшевистской болезнью недоучета роли дехканства в революции, агитационная работа в кишлаке не была совершенно развернута.

Характер борьбы в первый период представляется в следующем виде.

Пролетариат, только что взявший в свои руки политическую власть, все свои силы напрягает на создание нового советского государственного аппарата.

Разбитая в октябрьских боях буржуазия ведет спешную работу по собиранию новых сил, пытается соответствующим образом организовать эти силы и в то же время тщательно следит за своим победителем, подмечает все его ошибки, в надежде использовать эти ошибки советской власти и коммунистической партии в предстоящих боях. В открытый бой с советской властью буржуазия предпочитает пока-что не вступать.

Второй период нужно считать с момента IV. чрезвычайного краевого мусульманского съезда, т.-е. с 2 декабря 1917 года по 20 февраля, т.-е. до улемистского переворота внутри кокандской автономии.

Его характерной чертой является, во-первых, то обстоятельство, что объединенная национальная и русская буржуазия, в достаточной степени накопившая силы и прилично организовавшаяся, переходит в открытое наступление против советской власти. Она уже не прячется в подполье, действует открыто, создает свое правительство, свою армию, требует от советской власти самоликвидации, а когда последняя отказывается это

сделать, она переходит в открытое, вооруженное наступление на советскую власть.

Второй характерной чертой этого периода является иная по сравнению с первым периодом расстановка классовых сил в Туркестане. Дело заключается в том, что благодаря нашей ошибке в области национального вопроса, допущенной нами после Октябрьской революции, как городские мелкобуржуазные слои, так и дехканство стали с меньшей энергией поддерживать советскую власть. Активно поддерживали советскую власть лишь сравнительно небольшие группы рабочих и мелкой буржуазии в городах и дехканство, преимущественно организационно связанное с «Союзом трудящихся мусульман» (Фергана) и «Итифак» (Самарканд).

О том, чтобы дехканство и различные слои городских ремесленников перешли в лагерь контр-революции, конечно, речи быть не может, но и особо активной помощи советской власти в ее борьбе с контр-революцией они не оказывали. Но тут же нужно сделать оговорку, что отдельные группы трудящихся масс коренного населения, несмотря на ошибки советской власти и отдельных представителей, несмотря на попытки руководителей контр-революции всемерно раздуть и использовать эти наши ошибки, попрежнему оставались на стороне советской власти и оказывали ей посильную помощь.

В это время «Союз трудящихся мусульман» раскололся на два лагеря. Один лагерь, представлявший собою городскую мелкую буржуазию, стал на сторону кокандской автономии, а левое крыло «Союза» попрежнему продолжало защищать советскую власть и в это время оказало ей громаднейшую услугу.

Деятельность советской власти, занятой борьбой с Дутовым и ликвидацией казацких банд в Самаркандской области, весь этот период сводится в сущности к собиранию сил и к подготовке к предстоящим открытым вооруженным боям. Момент нашего перехода в контр-атаку по времени почти совпадает с моментом улемистского переворота внутри кокандской автономии.

Этим улемистским переворотом начинается *третий*, по времени самый короткий (он продолжался всего лишь несколько дней), *период в Кокандской автономии*. Это был период высшего напряжения сил двух борющихся сторон. Кончается он бегством Иргаша*) из Коканда, т.-е. 20 февраля 1917 года.

Внешним признаком, отличающим этот период от первых двух, как мы только что отметили, является то обстоятельство, что в этот момент борьба достигает наибольшей остроты, обе

*) Начмилиции ст. гор. Коканда, возглавляющий вооруженные силы Кок. Авт.—*П. А.*

борющиеся стороны до отказа напрягают свои силы. Этот период является периодом открытых боев на улицах Коканда.

По своему внутреннему содержанию этот период отличается от предыдущего перестановкой классовых сил в лагере контр-революции. В первые два периода контр-революция возглавлялась буржуазией. Улема и вообще все силы крайней реакции, то есть различные остатки старых феодальных слоев, в то время занимали место союзника буржуазии и играли второстепенную роль.

Четвертый период начинается с момента поражения сил контр-революции в Коканде и бегства Иргаша из Коканда. Конец этого периода указать значительно труднее по сравнению с предыдущими периодами, так как после разгрома Кокандской автономии и развала правительства, созданного на IV чрезвычайным краевом съезде, и бегства Иргаша остатки той силы, которой располагала Кокандская автономия, стали перерождаться в басмачество. Басмачество, как один из видов борьбы с советами и по своему характеру и по расстановке классовых сил в значительной степени отличается от Кокандской автономии.

Расстановка классовых сил в этот период еще более значительно отличалась от всех других периодов Кокандской автономии. В то время, как лишившаяся руководящего положения буржуазия постепенно отходила от подготовленного ею же движения, дехканство и многочисленный слой городских ремесленников вполне определенно начали переходить на сторону советской власти. Этому способствовала, с одной стороны, деятельность правительства Иргаша, массовые грабежи и насилия, которые позволяли себе его аскеры, бывшие уголовные преступники, а с другой, также решительное выявление мощи молодой еще советской власти.

Таковы вкратце основные черты периодов, которые пережила Кокандская автономия.

Возникновение Кокандской автономии.

Разбитая в Ташкенте в дни Октябрьской революции как национальная, так и русская буржуазия все еще намеревалась продолжать упорную борьбу. Создавались всевозможные проекты контр-революционных выступлений. Руководителями всевозможных контр-революционных партий и группировок нащупывалась почва для всевозможных политических комбинаций, целью которых было свержение советской власти.

Рассчитывая в Фергане встретить наиболее сплоченную опору контр-революции, председатель краевого мусульман-

ского совета Мустафа Чокаев немедленно после того, как в Ташкенте установилась советская власть, бежал в Фергану. Около 10 ноября он был уже в Коканде, откуда чуть ли не на следующий день предпринял поездку в Скобелев или, вернее, в Маргелан с целью нащупать политическую почву, изучить настроение различных контр-революционных слоев с тем, чтобы на основе добытых сведений составить план дальнейших действий.

Как и следовало ожидать, в Фергане Мустафа Чокаев нашел решительное стремление буржуазии всех национальностей начать борьбу с народившейся советской властью. Оставалось лишь организовать эту борьбу, выработать общеприемлемые лозунги, заручиться союзниками и т. д.

Для буржуазии и ее лидеров советская власть Туркестана своей ошибкой в национальном вопросе дала чрезвычайно выигрышный для контр-революции, способный замаскировать контр-революционную сущность подготовлявшегося выступления лозунг: «автономия Туркестана».

Следом за Мустафой Чокаевым из Ташкента в Коканд перебрался краевой совет мусульман—«Шура-и-исламия», который стал центром, объединявшим вокруг себя все контрреволюционные силы не только Ферганы, но и всего Туркестана.

Из Коканда краевой совет мусульман поддерживал тесную связь со всеми городами Туркестана: Ташкентом, Самаркандом, Андижаном и т. д. Судя по некоторым данным, нужно думать, что уже в это время была установлена связь с контр-революционными группировками Закавказья и с Дутовым.

После того, как был найден подходящий лозунг, руководители контр-революционного движения приняли все меры к тому, чтобы в борьбе с советской властью буржуазия выступила не в одиночку. Нужно было каким то образом перетащить на свою сторону городскую мелкую буржуазию и дехканство. Чтобы иметь в этих слоях наибольший успех, буржуазия решила пойти на союз с духовенством, которое в безграмотной, культурно-отсталой массе коренного населения играло значительную роль. Все же руководящую роль буржуазия оставила за собой.

9—11 декабря (по нов. стилю) 1917 г. в Коканде, по инициативе краевого совета мусульман был созван IV чрезвычайный краевой мусульманский съезд. Основными вопросами этого съезда были: 1) вопрос о вхождении Туркестана в «Юго-восточный союз» и 2) вопрос об автономии Туркестана.

Убедительным доказательством того, что Кокандская автономия подготовлялась не только национальной, но и русской буржуазией, служат выступления представителей русской

буржуазии на этом съезде. Например, на утреннем заседании съезда 10 декабря выступавший с приветственным словом городской голова сказал следующее:

> «От души приветствую IV краевой мусульманский съезд и желаю, чтобы работа съезда принесла Туркестану возможно большую пользу, оставив по себе глубокий след в истории. Затем, уже как частное лицо, я могу сказать вам, что *Туркестану безусловно нужна свободная автономия*». (Курсив наш. Цитировано по переводу с узбекского из отчета о с'езде в газете «Вакт» П. А.)

В той же газете «Вакт» в отчете о съезде приводится краткая запись речи некоего Черняева, приветствовавшего съезд от имени служащих народных учреждений области:

> «Мое приветствие, как представителя народных учреждений, говорит за то, что мы к вам относимся с большим вниманием и надеемся, что вопросы, стоящие на повестке дня, вами будут разрешены с успехом. Я считаю, что Туркестан должен быть объявлен автономной областью, что явится основным хребтом, на котором на правильных началах может быть построено российское государство. Отдельные области, отдельные мелкие нации должны взять свою судьбу в свои собственные руки, только при таком условии возможна решительная и энергичная борьба с большевиками... *Приветствую вас и автономный Туркестан*». (Курсив мой—*П. А.*).

Съезд был открыт утром 9 декабря (по новому стилю) при торжественной обстановке. Президиум съезда был избран в составе 12 человек, в числе которых были: Мустафа Чокаев, Шагиахметов, Агаев, Ходжаев, Акаева и Махмудов.

Первым обсуждался вопрос о вхождении в «Юго-восточный союз». Этот вопрос был поставлен по предложению руководителя оренбургской казачьей контр-революции атамана Дутова, задавшегося эфемерной целью объединения под своим главенством всех областей и народностей к югу и востоку от Оренбурга: области оренбургского, уральского, кубанского и семиреченского казачьего войска, казакские, киргизские, калмыкские и башкирские земли, кавказских горцев и азербейджанских татар. Основная идея этого союза заключалась в том, чтобы укрепить контр-революцию в тех районах, которые являлись сырьевой и хлебной базой для промышленных губерний бывшей России, являвшихся центром революции.

Пытаясь втянуть в этот «дутый» союз хлопководческие районы, Дутов прислал руководителям туркестанской контрреволюции свой проект договора о вхождении Туркестана в «Юго-восточный союз».

Прения по этому вопросу происходили на заседаниях съезда вечером 9 и утром 10 декабря. Вопрос этот для руководителей Кокандской автономии был совершенно новым, и к тому же он заключал в себе некоторую опасность. Плюсом для Чо-

каевых было то, что он объединял силы всей контр-революции и, таким образом, облегчал борьбу с советской властью, но, с другой стороны, эта идея пугала националистически настроенных лидеров Кокандской автономии возможностью вторичного превращения Туркестана в колонию русского капитала.

Вопрос этот вызвал длительные и чрезвычайно бурные прения.

Сторонники вхождения в «Юго-восточный союз», кроме указанного выше довода, указывали на то обстоятельство, что Туркестан, уделяя главное внимание хлопководству, не имеет своего собственного хлеба, питается преимущественно привозным из Оренбурга и Северного Кавказа хлебом, что Туркестан, Оренбургский край и Северный Кавказ экономически друг друга дополняют и что для Туркестана выгодно оформить политический союз с теми районами, которые к Туркестану экономически тяготеют. Кроме того, особенно религиозно настроенные националисты указывали на то, что население Кавказа исповедует ислам, и что это обстоятельство также является доводом за объединение с кавказскими мусульманами.

Соглашаясь со всеми этими доводами, противники вступления в «Юго-восточный союз» указывали на другие обстоятельства, которые имели также чрезвычайно серьезное значение, главнейшим же из этих доводов являлось указание на угрозу возможности возврата старых порядков русского империализма, что явилось бы неизбежным последствием победы русской контр-революции, возглавлявшейся атаманом Дутовым.

По свидетельству газеты «Вакт» (№ 298 за 1917 г.) противники вхождения в «Юго-восточный союз» говорили:

> «Казаки с давних пор признаны усмирителями, сторонниками самодержавия. Сколько насилия они совершили над народом... Казаки всегда стояли против революции, теперь также над донскими казаками стоят Корниловы, Красновы, Карауловы, Каледины и тому подобные монархисты, старающиеся восстановить самодержавие. Они хотят вести войну с Германией до победного конца, они хотят взять Стамбул, восстановить храм Софии (Ак-София). Они зовут нас к себе не с тем, чтобы помочь нам, их единственное желание—использовать нас в своих выгодах, поэтому мы не можем объединяться с ними».

Сторонниками вхождения в «Юго-восточный союз» были наиболее правые элементы: представители духовенства и крупного торгового капитала, а также лица, до революции близко стоявшие к старому государственному аппарату. Противниками же вхождения в «Юго-восточный союз» были представители национального промышленного капитала и вместе с ними все слои мелкой буржуазии.

На съезде страсти разгорелись до крайних пределов. Газета «Вакт» говорит об этом следующее:

> «На заседании теряется порядок. Председатель слабый, чувствуется неопытность. Выступления отдельных лиц и их крики с места говорят о том, что они всеми мерами стараются сорвать съезд, вследствие чего остальные горячатся. В зале поднимаются крики, шум».

В конце концов председатель вынужден был закрыть заседание съезда, и вопрос о вхождении в «Юго-восточный союз» не был решен ни в положительном, ни в отрицательном смысле. Больше к этому вопросу съезд не возвращался и перешел к обсуждению второго вопроса «об автономии Туркестана».

Прения по этому вопросу происходили на вечернем заседании 10 и утром 11 декабря. С докладом выступал некто Ходжаев. В основном, доклад его сводился к тому, что в России, мол, нет настоящего правительства, что все нации, населяющие территорию бывшей России, выступили на борьбу с узурпаторами-большевиками, что нет, мол, никакой надежды на возможность созыва всероссийского учредительного собрания. Исходя из этого, докладчик указывал на необходимость выступить на борьбу с большевиками в Туркестане, для чего, мол, необходимо организовать свое правительство, которое будет автономно управлять Туркестаном.

В противоположность первому, этот вопрос особо страстных прений не вызывал. Все выступавшие ораторы указывали на необходимость борьбы с большевиками и объявления Туркестана автономным. Для иллюстрации приведем выступления некоторых ораторов, пользуясь отчетом, напечатанным в газете «Вакт».

Ю с у п о в говорил о событиях в России, особенно о незаконных действиях большевиков. Он спрашивал себя, готов ли Туркестан к тому, чтобы взять себе автономию. И отвечал на этот вопрос, что, конечно, Туркестан не готов еще к этому, но что из этого вовсе не нужно делать вывода, что автономию объявлять не следует; раз хотим жить свободно, то автономию Туркестана объявить нужно.

С а д ы к - Б а е в утверждал, что большевики сами не будут и не должны препятствовать объявлению автономии Туркестана. Объявление Туркестана автономным не должно смущать европейцев, так как религия ислама не против демократического образа правления.

А м и н - Х а н - Т ю р я говорил, что Туркестан уже в течение 50 лет находится под властью России. В первый период завоевания русские не вмешивались в религиозные, национальные, судебные дела коренного населения, в дальнейшем они

Кокандское автономное правительство

стали протягивать руки ко всему и вмешиваться во все стороны жизни страны. После Февральской революции население Туркестана радовалось тем свободам, которые она дала, но, что теперь, когда у власти стали большевики, необходимо объявить автономию, и в этом отношении не нужно останавливаться ни перед чем. Говорят, что большевики объявят войну; пусть они не забывают, что тюрки-мусульмане в защиту своих религиозных и национальных прав крови не побоятся.

По окончании прений была зачитана заранее приготовленная резолюция, которая при чрезвычайно торжественной обстановке была принята съездом. Так, 11 декабря в 12 часов ночи была провозглашена руководителями контр-революционной буржуазии автономия Туркестана. По случаю такого выдающегося события были произнесены восхваления аллаху, были прочитаны соответствующие суры корана.

На этом съезде был избран, так называемый, «народный совет», в котором одна треть всех мест была предоставлена русской буржуазии. Этот «народный совет» имел функции законодательного и контролирующего органа, был своего рода парламентом Кокандской автономии.

На этом же съезде было избрано временное правительство автономного Туркестана во главе с инженером Танышбаевым, бывшим членом Туркестанского Комитета Временного правительства. Этим инициаторы и руководители Кокандской автономии хотели создать видимость преемственности своей власти от прежнего правительства, свергнутого большевиками.

Во главе правительства в дальнейшем инженера Танышбаева сменил Мустафа Чокаев. Министром финансов был Шаги-Ахмедов, юстиции—Махмудов, продовольствия—Потеляхов, военным министром—полковник Чанышев. Кроме того, в состав правительства входил доверенный фирмы Кнопа—Зигель и крупнейший капиталист—Вадьяев. Мы не имеем точных указаний на то, входил ли в состав правительства Юсуф Давыдов, но о том, что во всей кокандской автономии он играл очень крупную роль, мы имеем прямые указания.

Хлопковые фирмы Потеляхова, Вадьяева, Юсуфа Давыдова и Кноппа—вот кто входил в состав правительства кокандской автономии, вот кто фактически руководил этим контр-революционным движением, вот чьи интересы фактически представляла Кокандская автономия.

(Окончание в следующем номере сборника)

Сенг-Заде.

К 30-летию Андижанского восстания 1898 года.[1])

Восстание 1898 года является заключительным звеном целой цепи восстаний. Как об'ясняет старая литература причины восстания. Действительные причины восстания. Ход восстания. Ликвидация восстания Результаты восстания. Сущность восстания.

В нынешнем году 30 мая[2]) исполнилось ровно 30 лет со времени Андижанского восстания 1898 года, возглавлявшегося известным в то время минтюбинским ишаном Мад-али[3]).

Уже с самого начала необходимо отметить, что восстание 1898 года не представляло собою чего-либо исключительного и совершенно своеобразного. Новейшая история Средней Азии дает нам целый ряд таких восстаний. Эти восстания являются ответом средневековой Средней Азии на завоевание ее Россией и начинается эта серия восстаний с первых же решительных шагов России в глубь Востока.

Так, вся первая половина XVIII столетия отмечается восстанием башкир и борьбой русского правительства с этим восстанием. Следующий шаг России по направлению Средней Азии—завоевание казакских степей—ознаменовалось восстанием Кекиссары Касымова в пятидесятых годах прошлого столетия. Дальнейшее продвижение России в Среднюю Азию, завоевание Кокандского ханства, ознаменовалось целым рядом восстаний. Достаточно отметить восстание Курбан-датхи, более известной под именем царицы алайской, в восьмидесятых годах прошлого столетия. Подавление этого восстания

[1]) Настоящая статья т. Сенг-Заде первая попытка подойти к исследованию вопроса об Андижанском восстании с научно-марксистским методом. И с этой точки зрения работа заслуживает серьезнейшего внимания. Но наряду с установками и выводами бесспорного характера в ней имеются и такие, которые нужно отнести к дискуссионным. Сюда относится вопрос о характере восстания и его движущих силах.

Автор признает его исключительно восстанием реакционным.

Не предрешая здесь вопроса о том, насколько автор в этом определении прав, необходимо подчеркнуть, что эти его выводы на основе приводимых им же материалов недостаточно обоснованы и вопрос этот требует еще дальнейшей проработки на основе как уже имеющихся сырых материалов, так и привлечения новых, еще не разработанных. *Редакция.*

[2]) Все приводимые в статье даты переведены на новый стиль.

[3]) Мад-али—сокращение полного имени ишана—Мухаммед-Али-Хальфа Мулла-сабир-Суфиев. Часто его называли также «Дукчи-ишаном». Дукчи значит—веретенщик. Так называли его потому, что как отец его, так и сам Мад-али в молодости был веретенщиком.

потребовало больших усилий русского правительства на протяжении нескольких лет. В 1876 году много забот русскому правительству доставило восстание Пулат-хана, некоторые сподвижники которого принимали затем участие в восстании Мад-али. Затем необходимо отметить восстание Итым или, по иному произношению, Джетым-хана в 1878 году в том же Мин-Тюбе, где началось восстание Мад-али. За ним следует восстание самого бывшего хана в 1882 году, потом восстание одного из ишанов в верховьях Ак-Буры в 1884 году, заметное движение в Андижанском и Маргеланском уездах под руководством Дервиш-хана в 1885 году. Это движение было во время перехвачено и задушено русским правительством. Наконец, в 1891 году в той же Фергане мы имеем попытку поднять восстание, в 1892 году необходимо отметить холерный бунт в Ташкенте, в 1893 году снова в Фергане мы имеем восстание Сабир-хана. Таким образом восстание ишана Мад-али явилось заключительным звеном в этой серии восстаний.

Вся эта серия восстаний имеет чрезвычайно много общих черт. По своим причинам, по движущим силам, по своим основным целям и по характеру эти восстания почти ничем не отличаются друг от друга. Лишь непосредственный повод к восстанию и некоторые другие детали отличают их одно от другого.

По поводу Андижанского восстания имеется довольно богатая дореволюционная литература и вся она совершенно различно об'ясняет причины восстания.

Так, Остроумов по этому поводу пишет следующее [1]).

— «Как восстание недавно покоренных мусульман против иноверных (кафир) правителей, Андижанское восстание носило специальную (в данном случае—пан-исламскую) тенденцию и потому отличалось исключительно религиозным характером».

Ген.-лейт. Корольков, остававшийся в то время за Туркестанского генерал-губернатора, в своем докладе следующим образом об'ясняет причины восстания.

— «Главнейшая причина рассматриваемого мятежа заключается в мусульманском фанатизме, повсеместно значительно оживившемся в последнее время и нашедшем в данном случае такого влиятельного ревнителя, каким был мин-тюбинский ишан.

«Указания главы мятежа, ишана Мад-али, на запрещение паломничества в Мекку, отмену зякета и хераджа и упраз-

---

[1]) Приложение к Вестнику Ташкентской офицерской школы восточных языков, выпуск 1, статья Остроумова «Интересный документ», стр. 33

днение некоторых вакуфов являются выражением недовольства, имеющего религиозный характер, т.-е. сводятся к той же указанной выше причине восстания».

Генерал Корольков участвовал при допросе ишана Мад-али и других участников восстания. Как видим, они пытались сами об'яснить ему действительные причины восстания, но он все-таки ничего не понял, расценив их жалобу, как жалобу религиозного, а не экономического порядка. В основном же его точка зрения ничем не отличается от точки зрения Остроумова. Возможно, что она даже и выработана была совместно.

М. А. Терентьев насчитывает целых двадцать семь причин, из которых на первом же месте стоят: «привычка населения Ферганы к волнениям и беспорядкам, малый риск предприятия ввиду возможности ускользнуть в горы» [1]) и т. д. Перечислять все терентьевские причины восстания мы не можем, потому что они занимают ровно две страницы убористого шрифта.

Еще более близоруко смотрит на данный вопрос В. П. Сальков. Он считает, что причиной восстания послужило оскорбление, нанесенное ишану Мад-али русскими властями в Маргелане. [2]).

— «Помнил и вспоминал он обиды, публично ему нанесенные русским в Маргелане, как его в то время унизили, чисто втоптали в грязь, как он, наставник в вере, сильный в глазах туземцев, ничего не мог поделать... Осрамил сам себя в виду громадной толпы горячих поклонников, пришедших проводить его и поздравить с благополучным исходом судебного дела.

Как он—над сартами власть имеющий,—должен был во время жары в угоду русского итти пешком, среди уличной пыли, мало того, вести в поводу за собою, хотя бы лошадь, а то неугодно ли знать: «осла!»...

Долго обдумывая все это, имея притом в руках знамя, грамоту, ишан в конце концов порешил умом своим чисто безумное, сделать внезапное нападение на ненавистных ему «урус», истребить всех их с помощью затеянного им бунта»[3])...

[1]) М. А. Терентьев. — «История завоевания Средней Азии», т. III стр. 485—6.

[2]) В. П. Сальков—«Андижанское восстание в 1898 г.» стр. 44—45.

[3]) Это судебное дело и оскорбление ишана Мад-али, вкратце, сводилось к следующему. У себя, в кишлаке Мин-Тюбе, ишан построил минарет без всякого фундамента. Еще во время постройки некоторые предупреждали ишана, что минарет обрушится, но ишан уверял, что минарет будет держаться не фундаментом, а его молитвою. Как ни молился ишан, в 1897 году минарет этот все-таки упал и при падении задавил на смерть пять человек. Ишан был привлечен к судебной ответственности, но судом был оправдан. По этому случаю мюриды (ученики) ишана и его почитатели устроили ему демонстрацию на улицах Маргелана. Маргеланский полицмейстер разогнал демонстрацию, а ишану приказал слезть с ишака и вести его в поводу. Цитируемый нами В. П. Сальков считает, что причиной восстания 1898 года и послужило это оскорбление, нанесенное ишану полицмейстером.

Воззвание руководителей Андижанского восстания 1898 г.

(Перевод воззвания см. на стр. 45).

Андижанское воззвание 1898 года.

«Слава извечно существующему богу, из небытия создавшему 18 тысяч миров, сделавшему мир человеческий самым почетным по сравнению с другими мирами, создавшему святого Адама и сказавшему ему:

— Распоряжайся со своими детьми всем миром.

Хвала пророку (Мухамеду), которому было передано слово божие и предложено выбрать лучшее и наиболее уважаемое занятие в мире—вести проповедь среди язычников и неверных и обещать всем верующим и терпеливым рай, об'явив об этом в коране.

Хвалэ асхабам, видевшим Мухамеда, а особенно первым четырем, душу и имущество свое отдавшим на священную войну и написавшим нам, слабым людям, об этом на память в книгах. О том же повествует и коран.

Мы—называющие себя рабами божьими и последователями пророка—особенно теперь должны выполнить обязанности, преподанные нам сначала богом, а потом его пророком, и этим подтвердить, что мы поистине рабы божии и последователи пророка и сунны.

А потому, желая отдать свою жизнь и сделаться «гази»—борцами за веру—и благословением бога стать «шахидами» (мучениками веры), если это будет угодно богу,—перед халифом в знак клятвы кладем свои руки на коран и в знак подтверждения вышесказанного заключаем настоящее условие.

Кто подпадет под влияние дьявола и не выполнит этого условия, продавшись из-за своего корыстолюбия за деньги; кто пойдет лживо против корана, где сказано: «Воспрещается нарушать условие»; если кто либо не выполнит этого условия, пойдя на уступки,—да восстанет он, как вероотступник, в день страшного суда с черным лицом и да будет в двух мирах подвергнут суду и мучениям.

В знак подтверждения приложили наши печати.

Даже по сравнению с указанными выше мнениями совершенно не отличается глубиной точка зрения меньшевика В. Наливкина, кажется, никогда не бывшего марксистом. В. Наливкин следующим образом об'ясняет причины восстания 1898 года.

— «Все чаще, все громче и грознее раздавались речи и вопли нашей оппозиции, пока, наконец, вызванное ими *на почве наших служебных недугов* (курсив мой. С. З.) нервное возбуждение, постепенно охватывавшее все большую и большую часть туземного общества всего вообще края, не разразилось в Фергане восстанием Дукчи-ишана».

Таковы точки зрения старой литературы по вопросу о причинах восстания 1898 года. Останавливаться на критике их мы не можем и считаем совершенно излишним. Несостоятельность таких попыток об'яснения причин восстания Мадали очевидна без всяких пояснений.

В чем же заключаются действительные причины этого восстания?

Нам думается, что действительная причина восстания 1898 года заключается в том, что в то время Туркестан, вся его хозяйственная система, переживала переход от феодальных к капиталистическим отношениям. В свою очередь, эта ломка экономических отношений, явившаяся результатом насильственного устранения феодализма, вызвала значительную ломку и во всех остальных областях общественной жизни.

Завоевание Туркестана российским капиталом вызвало быстрое и весьма решительное перестроение всего народного хозяйства. Натуральное хозяйство стало отмирать, уступая место товарно-денежному хозяйству.

Быстрота такой ломки в достаточной степени характеризуется данными по развитию хлопководства, как товарной формы сельского хозяйства. Цифры говорят следующее:[1])

Годы	Посевы хлопчатника в десятинах		
	В Фергане	В других областях	Всего
1888	34 669	33 981	68 650
1890	51 141	41 748	92 889
1892	89 784	50 034	139 818
1897	116 802	41 654	158 456

Из этой таблицы мы видим, что в течение десяти лет посевная площадь хлопчатника увеличилась почти в два с по-

[1]) Н. И. Балашев—«Экономическая география Средней Азии», стр. 25.

ловиной раза, а в Фергане даже более, чем в три раза. Это последнее обстоятельство говорит за то, что переход от натурального к денежному, капиталистическому хозяйству в Фергане происходил значительно более круто, чем в других областях Туркестана, и, следовательно, население Ферганы значительно более остро переживало и чувствовало на себе эту ломку экономических отношений, чем население других областей. Не этим ли об'ясняется тот факт, что большинство всех восстаний было именно в Фергане?

Быстрое экономическое развитие страны чувствовали, хотя, конечно, по разному, все классы и слои коренного населения страны.

Развитие капиталистических отношений в кишлаке вызвало к жизни довольно быструю его дифференциацию. Нехватка собственных средств для посева и возделывания хлопка у большинства дехканства, необходимость занимать деньги до сбыта урожая и чрезвычайно высокий ссудный процент приводили к тому, что дехканство в массе своей стало разоряться от перехода на хлопководство, которое, повидимому, должно было принести обогащение дехканству.

Кишлак вообще, конечно, выигрывал от такого перехода к посевам хлопка, но выигрывало не все дехканство, а только его верхушечная часть, имевшая возможность и наличные капиталы для того, чтобы перейти от зернового к хлопковому хозяйству, не прибегая к займам, а еще более выигрывали лица, имевшие капиталы для того, чтобы под ростовщические проценты ссужать дехкан своего района. Эта категория загребала в свои карманы все те доходы, которые давало хлопководство, в то время как сами хлопководы нищали, разорялись или приближались к разорению.

Городские ремесленники с проникновением в Туркестан товаров фабрично-заводского производства, особенно с момента проведения железных дорог, почувствовали на себе конкуренцию этих товаров. Правда, быстро расширявшийся рынок Туркестана до некоторой степени смягчал кризис ремесленного производства, но в общем итоге ремесленнику стало жить хуже, чем жилось раньше. Некоторые же ремесла стали вовсе сходить со сцены.

Все это вместе взятое вносило в широкие массы дехканства и ремесленников тревожное настроение. Недоставало только того, чтобы кто-то указал причину всех злоключений, указал бы цель, куда нужно стремиться, и взял бы на себя руководство массой.

Таким инициатором и руководителем движения выступили остатки разгромленных, но не уничтоженных совсем верху-

шечных слоев феодального общества, много потерявших от завоевания Туркестана Россией и от развития капиталистических отношений в Туркестане.

Прежде всего они потеряли политическую власть, которая им нужна была для того, чтобы скреплять и поддерживать свое экономическое господство. Уже этого одного было достаточно для того, чтобы старая земельно-родовая аристократия и улема выступили в качестве организатора борьбы с русской властью и теми капиталистическими отношениями, которые стали быстро развиваться в Туркестане после завоевания его Россией.

Но кроме потери политической власти, земельно-родовая аристократия и улема чувствовали, что с каждым годом они теряют возможности экономической эксплоатации населения страны, они теряют свои экономические преимущества.

Земельно-родовая аристократия никак не могла приспособиться к новым экономическим условиям. Те старые грубые, но привычные формы эксплоатации, которые применялись ими раньше, теперь по многим причинам были уже невозможны, а перестроить себя по новому большинство из них не могло. В то же время из среды дехканства и городских слоев выростала новая сила, которая поняла сущность капиталистической системы и умела использовывать ее в своих интересах. Старая феодальная знать стала оттираться новой силой, капиталистами. Больше того, новый слой капиталистов из коренного населения грозил вовсе проглотить богатства старой феодальной знати. Само собой разумеется, что и в среде земельно-родовой аристократии были лица, которые сумели примениться к новой обстановке и увеличить свое прежнее достояние в несколько раз, но они, по существу, уже перестали быть аристократами, это были уже капиталисты. Их интересы резко расходились с интересами своих прежних собратьев.

С завоеванием Россией Туркестана и с развитием в Туркестане капиталистических отношений, улема теряла ничуть не меньше, чем земельно-родовая аристократия.

Русское православное духовенство не вело миссионерской работы среди коренного населения, но несмотря на это, уже в силу развития капиталистических отношений, в силу уничтожения института раисов[1]) блюстителей мусульманской нравственности, мечети стали меньше посещаться, духовенство стало пользоваться меньшим почетом и доходами, чем оно пользовалось раньше.

---

[1]) Раис по точному переводу значит—начальник.

С введением института народных судей, казии[1]) стали терять своих клиентов и тот доход, который они приносили казиям.

Введение, так называемой, русско-туземной школы также представляло значительную угрозу мударисам. Правда, русско-туземная школа прививалась очень медленно, в1896 году во всем Туркестане было только 28 русско-туземных школ с 650 учениками из коренного населения[2]), но уже самое существование этой школы являлось для муаллимов и мударисов значительной угрозой.

Запрещение хаджа[3]) русскими властями принесло значительный ущерб духовенству, но больше всего потеряло духовенство от русского законодательства в области вакуфного дела.

До завоевания Россией Туркестана духовенство обладало громадным вакуфным имуществом[4]). Тут были бани, караван-сараи, торговые помещения, сады, всевозможные земельные угодья и т. д. Некоторые из этих вакуфов давали духовенству громаднейшие доходы.

Так, например, в 1894 году только одним медресе принадлежало:

Название вакуфных имуществ	Сыр-Дарьин. область	Ферган. область	Самарканд. область	Всего в крае
Лавок	198	1 820	90	2 208
Мест под лавки	912	62	—	974
Караван-сараев	10	41	7	58
Бань	6	17	1	24
Мельниц	4	8	3	15

---

[1]) Кази—судья.

[2]) Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, том V, стр. 68, изд. 1896 г.

[3]) Паломничество в Мекку.

[4]) Вакф или вакуфное имущество, это такое имущество, которое кем-нибудь пожертвовано в пользу мечети, школы или на удовлетворение каких-нибудь общественных потребностей.

Кроме того принадлежали:

1. Аблыкскому медресе все место под базаром в сел. Аблыке, Ташкентского уезда.

2. Кокандскому медресе Мад-али-хан угольный и соляной базары в г. Коканде.

3. Кокандскому медресе Джами весь базар в сел. Яйпаке, Кокандского уезда.

4. Чимионскому медресе все место под базаром в сел. Чимион, Маргеланского уезда и т. д. [1]).

После завоевания Туркестана, уже с 1870 года, русские власти пытаются создать некоторые свои положения относительно вакуфного имущества.

Ввиду прошения, поданного учащимися самаркандского медресе Тиллякор, в котором они жаловались на злоупотребления мутавалия [2]), начальник Зеравшанского округа (Самаркандская область) генерал-майор Абрамов в 1873 году сделал распоряжение о том, чтобы земельные вакуфные имущества сдавались в аренду не мутавалиями, а русской администрацией. В 1878 году все вакуфные земли Зеравшанского округа уже находились в фактическом заведывании русской администрации. Они сдавались в аренду с торгов при управлении начальников отделов (уездов), а доходы поступали в депозиты последних и выдавались мутавалиям, обязанным представлять русской администрации отчетность в израсходовании этих сумм [3]).

Такая постановка вакуфного дела уже в значительной степени стесняла духовенство, так как мутавалии и другие держатели вакф-наме [4]) уже не могли прикарманивать части вакуфных доходов, что они делали прежде.

Положение об управлении Туркестанского края 1886 года еще более урезало вакуфные доходы духовенства. До этого времени с вакуфного имущества не взималось никаких податей, с введением же в жизнь положения 1886 года значительная часть вакуфов была обложена государственной податью, а некоторая часть вакуфного имущества была вовсе из'ята из рук духовенства. Были из'яты, например, из рук духовенства, так называемые, заселенные земельные вакуфные участки, количество которых было велико. В одном только Маргеланском уезде было, например, 16 заселенных земельных вакуфных участков площадью в 12.058 десятин, с

---

[1]) «Ежегодник Ферганской области», том III.

[2]) Мутавали—одно из административных должностных лиц в медресе—высшей духовной школе на Востоке, нечто вроде директора.

[3]) «Ежегодник Ферганской области», том III. стр. 28, издание 1904 года.

[4]) Вакф-наме—документ о пожертвовании вакуфного имущества.

которых взималось 15.485 руб. 92 коп. поземельного налога [1]). Таким образом, только на одном этом мероприятии русского правительства духовенство теряло сотни тысяч дохода.

К категории лиц, пострадавших от завоевания Туркестана Россией, необходимо отнести довольно многочисленную категорию старых чиновников, так называемых, зякетчи, то-есть сборщиков податей. До падения Кокандского ханства эти сборщики податей брали с населения не столько, сколько нужно было взять, а столько, сколько из него можно было вытянуть, при этом значительная часть собранного ими налога (зякет) оставалась в их собственном кармане. С завоеванием Туркестана и с внедрением русской государстненности, зякет был заменен соответствующим государственным налогом, сбор которого был возложен на финансовое ведомство. Таким образом старые сборщики податей совершенно потеряли все свои доходы.

Вот те основные социальные слои, которые имели основание и действительно были недовольны русским политическим строем и развивавшимся капитализмом. Как более всех страдавшие от завоевания Туркестана Россией, господствовавшие при феодализме слои: земельно-родовая знать вместе с зачастую отождествлявшимся с нею служилым элементом и с улемой, вот кто обычно возглавлял все восстания, начиная с восстания Кенисары Касымова и кончая восстанием 1898 года.

Подготовка восстания велась на протяжении довольно длительного времени. Еще за три года до восстания ишан Мад-али уже начал назначать в кишлаках ближайших к Мин-Тюбе районов упраздненных русским правительством раисов—полицейских блюстителей нравственности и благочестия. Таким образом в кишлаках уже с 1895 года имелось двоевластие. С одной стороны существовали волостные правители—ставленники русской власти, а с другой стороны и наряду с ними действовали раисы—ставленники улемистского вождя Мад-али.

Для придания наибольшего веса своим планам, Мад-али постарался получить от халифа (турецкого султана) грамоту, в которой последний назначает его своим наместником. Многие весьма сомневаются в подлинности этого документа, но сам Мад-али считал и выдавал его за подлинный. Для нас же важно именно последнее обстоятельство; важно то, что Мад-али уверял народ в том, что он действует от имени турецкого султана.

«Материалы для статистического описания Ферганской области», выпуск II, стр. 84, издание 1899 года.

Кроме того, Мад-али вошел в соглашение с соседними волостными управителями, которые обещали ему свою помощь и поддержку.

За некоторое время до восстания кроме довольно широко поставленной агитации, главарями были приняты меры к финансовому обеспечению предприятия. Для этой цели по целому ряду районов Туркестана и даже в далеком Семиречье, были разосланы мюриды ишана для сбора денег. Помимо этого, крупным туземным капиталистам подбрасывались анонимные письма, в которых им предлагалось приготовить ко взносу зякет за прошлые пятнадцать лет.

Выступление было назначено на 30 мая. Предполагалось одновременное нападение на Андижанский, Маргеланский и Ошский гарнизоны. Для того, чтобы поднять дух своих сторонников, Мад-али и его приближенные стремились всеми мерами зажечь религиозный фанатизм дехканства. Раздавали, например, амулеты, которые по молитве ишана должны были охранять муджтахидов [1]) от пуль, или распространялся слух, что в ночь на 30 мая ишану будет ниспослана с неба великолепная белая лошадь и золотой меч.

К вечеру 30 мая во дворе ишана собралась масса народу. К собравшимся вышел Мад-али, благословил их на газават [2]) и отряд в количестве 600 человек выступил по направлению Андижана. По дороге к Андижану в попутных кишлаках к Мад-али должны были присоединиться еще пять отрядов.

Русские власти узнали о подготовке восстания утром 30 мая. Одновременно об этом было донесено Ассакинскому приставу Еникееву и Ошскому уездному начальнику Зайцеву.

В тот же день, в 10 час. вечера военному губернатору Ферганской области генералу Повало-Швыйковскому было доложено о подготовлявшемся восстании. В это время он был на репетиции детской оперетки «Золушка» и не пожелал отвлекаться от столь серьезного занятия. Донесению он не придал никакого значения, признал его за преувеличение и никаких распоряжений не сделал. После, когда были получены сведения, подтверждавшие это донесение, он уже не мог сделать распоряжений, так как телеграф был перерезан.

Ночью 30 мая ишан Мад-али со своим отрядом подошел к Андижану. Всего в отряде было около полуторы тысячи человек. Все были вооружены кое-как: кетменями, дубинками и т. д. Огнестрельного оружия почти не было, лишь некоторые приближенные ишана были вооружены револьверами.

---

[1]) Муджтахид—борец за веру.

[2]) Газават или джиход—священная война за веру.

Перед рассветом в 3 часа 30 мая, пользуясь темнотой, было произведено нападение на казармы андижанского гарнизона. Дневальные, очевидно, спали. Из офицеров в казармах был только один, все же остальные были в городе. Пользуясь этим обстоятельством, повстанцы ворвались в казарму 4 роты и многих там перерезали, но когда была разбужена 5-ая рота и были розданы боевые патроны, то после нескольких же залпов из ружей все повстанцы разбежались. Бежал и сам Мад-али. Результаты нападения: убито 22 и ранено 18 русских солдат, а повстанцы оставили на месте при отступлении убитыми 18 человек. Кроме того, ими было унесено из казарм 31 винтовка.

Предполагавшееся нападение на Ош не состоялось, потому что племянник Алайской царицы, известной своей борьбой с русской властью, Карабек Хасаков еще 30 мая сообщил уездному начальнику Зайцеву о готовящемся нападении. Собрав нужные сведения, Зайцев лично поехал на место сбора руководителей движения. Последние тоже были извещены о выезде Зайцева и своевременно разбежались, даже не попытавшись напасть на город.

Также не состоялось нападение и на Маргелан. Этому было две причины. Во-первых, на сборный пункт в Биш-Али, откуда предполагалось наступать на маргеланский гарнизон, собралось очень мало народу, а во-вторых, разведчики узнали, что в лагере русские солдаты устроили бал, и никто не спит, а по плану они должны были напасть на спящих. Учтя эти обстоятельства, командовавший этим отрядом Иноят решил на Маргелан не наступать, а пойти на соединение с Мад-али.

После того, как наступавший на Андижан отряд Мад-али разбежался и после того, как начавшаяся было в связи с этим паника в городе улеглась, русские власти приняли меры к поимке руководителей восстания и прежде всего самого ишана. В 11 часов вечера 3 июня в к. Чарвак Мад-али был действительно пойман. Так кончилось это восстание.

Началось следствие. Всего было арестовано 777 человек, но затем за недостатком улик было освобождено 362 человека, а 415 человек было отдано под суд. В результате суда было казнено 18 человек, сослано на каторгу 344 человека, в общей сложности на 4621 год и трое из них бессрочно. Кроме того 18 человек было сослано в Сибирь на поселение и оправдано было только 32 человека.

Таковы были первые непосредственные результаты восстания.

Но кроме того, в результате восстания 1898 года в значительной степени был изменен режим управления Туркестаном. Главнейшие изменения заключались в следующем.

Андижанское восстание 1898 г. Осужденные повстанцы закованы в цепи. В овале—главный руководитель восстания мин-тюбинский ишан Могомет Али-Халифа Мухамед Саар оглы.

1. В Фергане было расквартировано значительно большее количество войск, чем было до восстания.

2. Все управление краем было более резко поставлено на военную ногу, вся власть была сосредоточена в руках генерал-губернатора и военных губернаторов в областях.

Даже судебные учреждения им были фактически подчинены.

3. По всему краю было весьма значительно увеличено количество административно-полицейских должностей.

4. Было отменено введенное положением 1886 года выборное начало в отношении низового управленческого аппарата. Волостные управители и сельские старшины стали вновь не избираться населением, а назначаться уездными начальниками и участковыми приставами.

5. Русское правительство решило принять решительные меры к усилению колонизации Туркестана русскими крестьянами. С другой стороны, было запрещено татарам и вообще всем русским подданым не православного вероисповедания приобретать в пределах Туркестана какую бы то ни было недвижимую собственность.

6. Одновременно с этим было решено более энергично приступить к увеличению сети русско-туземных школ и, наконец,

7. Было решено «привлечь православное духовенство к делу культурного воздействия на туземцев в русско-православном духе, без преследования, однако, миссионерских целей» [1]).

Таковы, в основном, были результаты восстания 1898 года.

В заключение, нам остается только дать оценку этого восстания. В настоящее время намечается уже несколько довольно сильно различающихся друг от друга оценок. Некоторые товарищи [2]) по ряду моментов находят его реакционным, но сейчас же они делают оговорку и стараются найти в нем моменты революционности. Одни, например, считают это восстание революционным постольку, поскольку в нем принимала участие масса: дехканство и ремесленники, а другие—поскольку это восстание об'ективно расшатывало устои царизма.

Мы считаем, что это напоминает заповедь: «воздай богово богови, а кесарево—кесареви». К определению восстания нужно подходить не из одного какого-нибудь его элемента, а из совокупности причин, движущих сил, целей, об'ектив

---

1. Доклад Королькова.

2) Поскольку большинство из этих товарищей высказывались лишь устно, а не в печати, мы их имен не указываем.

ной его роли и, наконец, всей совокупности той обстановки, в которой оно проходило.

На причинах восстания мы уже останавливались. Мы видели, что причиной его послужило: 1) утеря политической власти старыми феодальными слоями, 2) утеря теми же феодальными слоями экономического господства в стране и неумение приспособиться, найти свое место в новой, только что зарождавшейся экономической системе. Таковы причины.

Движущими силами послужили: дехканство и городские ремесленники при гегемонии тех же старых, господствовавших при феодализме слоях.

Достаточно просмотреть список главнейших руководителей восстания, приводимый в докладе ген.-лейтен. Королькова.

В числе привлеченных к ответственности было: 2 датхо или генерала, 7 пансатов или полковников, 2 прежних бека, 40 мулл и 2 мудариса или профессора.

Уже одно это говорит за то, что гегемоном движения были классы, господствовавшие при феодализме.

Говоря о движущих силах, необходимо решительно подчеркнуть то обстоятельство, что нарождавшаяся в то время как городская, так и сельская буржуазия была против этого восстания, то-есть против восстания был наиболее передовой для тогдашнего времени класс в Туркестане. Во всей старой литературе о восстании 1898 года чрезвычайно единодушно отмечается то обстоятельство, что восстание началось совершенно неожидано для русских властей. Это сугубо неверно, потому что о готовящемся восстании неоднократно сообщали русским властям представители торгово-промышленной национальной буржуазии, получавшие подметные письма с требованием приготовить зякет за прошлые пятнадцать лет и передававшие эти письма русским властям. Это было еще задолго до восстания.

То обстоятельство, что требование приготовить к уплате зякет было пред'явлено представителям буржуазии в форме анонимных подметных писем, также с достаточной убедительностью говорит за то, что буржуазия была против этого восстания и что главари движения никак не рассчитывали добром перетянуть ее на свою сторону.

Если бы буржуазия была склонна в то время поддержать движение, возглавлявшееся старой феодально-родовой аристократией и улемой, то она смогла бы финансировать намечавшееся предприятие и не в форме зякета, а если бы даже и в форме зякета, то дело во всяком случае обошлось бы без анонимных подметных писем. Буржуазия и без них

Андижанское восстание 1898 г.

Приезд генерал-губернатора Духовского после подавления восстания.

смогла бы договориться с руководителями восстания и о форме финансирования и, может быть, даже о форме своего участия в подготовке и руководстве восстанием. Самый факт тайного подбрасывания писем говорит за то, что улема и старые феодалы видели в лице буржуазии своего врага и боялись ее.

Цели восстания. Тут мы не имеем вполне точных и определенных документов, которые могли бы нам вскрыть их, но мы можем судить по некоторым фактам, в достаточной степени ясно рисующим цели восстания. Тот факт, что четырнадцатилетний племянник ишана Мад-али Абдула-азиз был предназначен в ханы, говорит нам лучше всяких документов о том, что руководители восстания стремились снова восстановить ханство. Другой факт, который мы уже отмечали, что Мад-али еще за три года до восстания уже назначал в кишлаки ближайших районов раисов—полицейских блюстителей морали и религии, говорит нам о том, что руководители восстания думали не просто вернуться к ханству, но установить положительно все элементы восточного средневековья, наглядным образчиком которого было Кокандское ханство.

К чему об'ективно вело это восстание? Действительно ли оно ослабляло устои царизма? Да это верно. Но не менее верно и то, что восстание 1898 года ослабляло развитие капиталистических отношений, а это не менее важно, чем первое.

Наконец, обстановка. Наиболее характерным и наиболее важным в ней необходимо отметить тот мемент, что восстание 1898 года было как раз в то время, когда только что начал зарождаться и далеко еще не окреп национальный торгово-промышленный капитал в Туркестане, а в России в это же время только что пыталась народиться социал-демократическая партия.

Победа Мад-али, вернее, той группы, которую он возглавлял, в такой обстановке неизбежно привела бы к новому торжеству феодализма над капитализмом в Туркестане, и возможно, что в случае их победы даже в наши дни, через тридцать лет после этого восстания, между Туркестаном и, например, Персией не было бы никакой разницы ни в экономическом, ни в политическом отношении.

Таким образом, восстание 1898 года, явившееся попыткой умиравшего феодализма задушить нарождавшийся в Туркестане капитализм, пытавшееся повернуть историю Туркестана вспять, ко временам Кокандского ханства, необходимо считать исключительно реакционным движением.

А. Р.

Нелегальные социал-демократические газеты в Туркестане в период первой русской революции.

Количество нелегальных с.-д. газет, выходивших в бывшем Туркестане, довольно ограничено. По справкам Истпарта Средазбюро их было всего четыре:

1. „Рабочий", первоначально являвшийся органом ташкентской группы РСДРП и по решению первой туркестанской конференции РСДРП ставший органом союза туркестанских организаций РСДРП*).

2. „Солдатский листок—Правда", выходивший сначала от имени военно-революционной организации при ташкентской группе РСДРП, после первой туркестанской конференции превратившийся в газету всех военно-революционных организаций Туркестанского края **).

3. Рабочий листок „Молот", издававшийся кзыл-арватской организацией РСДРП***).

4. „Солдат"—солдатский листок—орган средне-азиатского союза военно-революционной организации РСДРП****).

---

*) „Рабочий" по справкам Истпарта Средазбюро вышел в количестве 2-х экземпляров: № 1 от 20 сент. 1905 г., № 2 от 6 окт. 1905 г. Газета печаталась на гектографе. Тираж не указан. № 2 нами не найден. Есть основание предполагать, что количество вышедших №№ было больше, т.-к. туркестанская конференция, бывшая в феврале или марте 1906 г. об'являет „Рабочий" органом союза турк. организаций РСДРП. Выходил ли „Рабочий" после февраля—марта 1906 г. нам тоже неизвестно.

**) „Солдатский листок—Правда" вышел в количестве 6 экземпляров № 1-й вышел 9 января 1906 г. В дальнейшем газета выходила ежемесячно. Дата выхода последнего номера неизвестна. №№ 1 и 2 печатались в типографии ташкентской группы, следующие №№ печатались там же, но типография после туркестанской конференции перешла в ведение союзного комитета. Тираж № 1 и 2 по 2.000 экз., №№ 3, 4 и 5 по 3.000 экз., тираж № 6 неизвестен.

***) Рабочий листок „Молот" вышел в количестве 5 номеров. Дата выпуска № 1 нам не известна; № 2—12 марта 1906 г. —тираж 1.000 экз.; № 3—неизвестно; № 4—20 мая 1906 г.—тираж 3.000 экз.; № 5—15 октября 1906 г.—тираж 1.500 экз. Печаталась газета в типографии кзыл-арватских рабочих. Номера 1-й и 3-й нами не найдены.

****) Истпартом эта газета не найдена, хотя выход ее датирован июнем 1906 г. Есть основание предполагать, что такой газеты не было, возможно здесь смешение с „Солдатским листком—Правда", который с марта месяца 1906 г. выходит, как орган союза туркестанских военно-революционных организаций. Количество вышедших номеров газеты „Солдат" Истпарту неизвестно.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Пар

Солдатскій Листок

ПРАВДА

ЧЕГО ХОТЯТ РАБОЧІЕ!

САМОДЕРЖАВІЕ НАРОДА.

Россійская Социаль-Демократическая Рабочая Партія

РАБОЧІЙ

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

КИЗИЛЪ-АРВАТСКАЯ

Социал-Демократическая Рабочая Организація

№ 2-ой.

Рабочій Листокъ

„МОЛОТЪ.“

ПРОЛЕТАРІИ ВСЕХ СТР. СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЕДИНЕНІЕ АРМІИ С НАРОДОМ

МОЛОТ

ИЗДАНІЕ КИЗИЛ-АРВАТСКОЙ СОЦІАЛ-ДЕМОКРАТИЧ. ОРГАНИЗАЦІИ

15 Октября 1906 года

Социал-демократические газеты, выходившие в Туркестане в 1905-1906 г. г.

Поскольку последняя газета не найдена, а первая имеется всего лишь в одном экземпляре, который, кстати сказать, не особенно характерен для выявления идейной принадлежности этой газеты к большевистскому или меньшевистскому течению, нам придется говорить о ,,Солдатском листке—Правда" и о рабочем листке ,,Молот" по преимуществу. Беглый просмотр этих газет дает нам основание утверждать, что в то время как ,,Солдатский листок—Правда", издававшийся в г. Ташкенте, был проводником большевистского влияния на массу (что не исключает далеко небольшевистскую позицию, занятую листком хотя бы в вопросе о т. н. ,,свободном государстве" и т. д.), рабочий листок ,,Молот" издававшийся в Кзыл-Арвате, ничего общего с большевизмом (за исключением случайных моментов) не имел и может быть охарактеризован, как теоретически слабый меньшевистский орган, с довольно ясными следами эсэровщины.

Постараемся обосновать нашу оценку разбираемых газет, предварительно уделив некоторое внимание ознакомлению с тем, как характеризовали до сих пор ташкентскую и среднеазиатскую социал-демократию.

Как в воспоминаниях о с.-д. организациях в Ср. Азии,*) так и в руководствах по истории рев. движения**) с.-д. быв. Туркестана, в том числе и ташкентская группа, обычно характеризуются, как ,,определенно меньшевистская", при чем, в качестве неоспоримого доказательства этой мысли обычно приводится факт недопущения в ташкентскую организацию старого большевика Морозова, прибывшего в Ташкент в октябре 1905 г. из Самарканда. Нам придется значительно злоупотребить цитированием отдельных мест из просмотренных газет, чтобы несколько рассеять то представление о ташкентской с.-д. организации, как ,,ярко меньшевистской", которое несомненно получается у читателя от чтения воспоминаний т. Дворянова и ,,Очерков" Муравейского. Нам кажется, что подобная характеристика ташкентской с.-д. организации, не указывающая на то место, которое занимали в ней большевики, является несомненно неполной, и что в действительности удельный вес большевиков был выше, чем это получается у упомянутых нами авторов. Нам приходилось встречаться с т.т., которые, очевидно, с легкой руки Дворянова и Муравейского, ташкентскую группу с.-д. рассматривали, как ,,сплошное меньшевистское болото".

---

*) См. воспоминания т. Дворянова в «Красной летописи Туркестана» № 1—2, стр. 8.

**) См. Муравейский «Очерки по истории революционного движения в Ср. Азии», стр. 9.

Чтобы показать, что подобное представление о ташкентской с.-д. организации в период первой русской революции неверно (ташкентская организация была несомненно одна из крупнейших и влиятельных с.-д. групп в быв. Туркестане), мы проследим, каких взглядов придерживался „Солдатский листок—Правда" в программных, тактических и организационных вопросах.

Круг этих вопросов нами намечается следующий:

1. О гегемоне революции 1905 г.
2. Крестьянская проблема.
3. Национальная проблема.
4. Отношение к государственной думе.
5. О свободном народном государстве.
6. Военный вопрос.
7. Организационные принципы.

В целях лучшего выявления политической физиономии „С. Л. Правды" мы будем при разборе каждого из перечисленных выше вопросов позицию этой газеты сравнивать с взглядами большевиков и меньшевиков и определять, за кем же она шла в каждом отдельном случае, и затем уже подведем общий итог.

Итак, начнем с первого вопроса.

Гегемония пролетариата.

К числу особенно животрепещущих вопросов, по которым в период первой русской революции между большевиками и меньшевиками шли оживленные споры, следует отнести вопрос о гегемоне революции. В то время, как большевики гегемоном революции считали пролетариат („Буржуазная революция без революционной буржуазии"—Ленин)—меньшевики в качестве гегемона революции выдвигали буржуазию. Посмотрим же, какую позицию в этом вопросе занимали „Рабочий" и „Солдатский листок—Правда".

В передовой статье, помещенной в № 1 „Рабочего", мы читаем:

> «Отныне в лице могучего пролетариата революция нашла своего истинного носителя. Отныне пролетариат путем революции идет к демократической республике». *)

Идея гегемонии пролетариата достаточно ярко подчеркивается и в статье «Тяжела ты, солдатская доля», о чем свидетельствуют следующие слова, обращенные к крестьянам в шинелях:

*) «Солдатский листок—Правда» № 1, стр. 3.

«Товарищи солдаты! Душная, тесная клетка, именуемая старой Россией, уже дала трещину от напора народных масс. Победоносное шествие российского рабочего класса ничто не может остановить и задержать».

Наконец, даже ташкентская группа Р.С.Д.Р.П., которая по заявлению Дворянова и Муравейского была «ярко меньшевистской», в своей прокламации, выпущенной в 1906 г. по случаю 45-летия реформы 1861 г., еще, пожалуй, отчетливее поставила вопрос о гегемонии пролетариата в революции:

«Появился новый класс—пролетариат—могучий класс. *освободитель нации!* Теперь в лице рабочего класса, *истинного носителя революции*, против векового тирана и насильника восстал грозный боец».

Как же характеризуется буржуазия разбираемыми нами газетами? Отнюдь не как гегемон, о чем свидетельствуют хотя бы следующие слова:

«Есть у нас страшный, грозный враг—внутренний враг. Этот враг—богатеи, капиталисты.

«Кого же защищает солдат?... Защищает он тех, на кого направлен гнев народный, защищает врагов рабоче-крестьянского люда. Богачей, фабрикантов, заводчиков, помещиков—всю эту свору грабителей, живущих потом и кровью рабочих»*)

Такова позиция «С. Л. Правда» в первом вопросе.

Крестьянский вопрос.

Следующее существенно важное расхождение между большевиками и меньшевиками заключалось в оценке роли крестьянства в буржуазной революции, и в отношении к нему. На основе анализа российской экономики и политического строя большевики выдвигали лозунг: «Со всем крестьянством против самодержавия при нейтрализации буржуазии», в то время как меньшевики в крестьянстве усматривали прежде всего реакционную силу и поэтому не рассматривали его, как крупного союзника рабочего класса, а отсюда—и не ставили перед собой задачи организовывать стихийное крестьянское движение под руководством пролетариата.

Достаточно просмотреть ряд статей, помещенных в «Рабочем» и особенно в «Солдатском листке—Правда», чтобы увидеть, что эти газеты осознавали необходимость для рабочего класса иметь союзника в лице крестьянства в буржуазно-демократической революции, но не имея из-за языковых пре-

*) «Солдатский листок—Правда» № 5 от 20/IV—06 г.; ст.: Чего хотят рабочие?

град связи с туземным дехканством*), и очевидно исходя из того, что русские крестьяне переселенцы, живущие в Сред. Азии, не испытывают непосредственно и в такой мере, как российские крестьяне, помещичьего гнета, они связь с крестьянством осуществляли в лице солдат—крестьян в шинелях.

Обращает на себя внимание немалое количество животрепещущих вопросов, которые затрагиваются газетами с целью показать крестьянину необходимость совместного выступления с рабочим классом против царизма.

Наряду с довольно общими указаниями на то, что удары, наносимые царизмом в борьбе с революцией, «исключительной тяжестью ложатся на пролетариат и кр-во, которое, кстати сказать, до сих пор остается в полукрепостническом состоянии»**) газеты довольно подробно указывают на тот полуфеодальный гнет, который на своих плечах выносит крестьянин.

В письме «от матроса к солдату»***) задеваются самые больные для крестьянина вопросы:

> «Солдат! Послушай! На четыре долгих года ты оторван от близких родных, от тех, кто дорог твоему сердцу, кто выкормил, выпоил и вырастил тебя. На четыре долгих года ты оторван от родного села, родных полей, лугов, лесов и рек.

Мы видим, что здесь к солдату обращаются не только как к солдату, а скорей, как к крестьянину. И далее:

> «Солдат, идя на царскую службу—ты оставил старушку мать, хатенку, лошаденку, коровенку, крохотный огородик, клочек земли, да может быть и невесту».

Затем говорится в письме, что вернувшись со службы, солдат найдет дома покосившуюся на бок и с продырявленной крышей хатенку.

> «Лошаденку твою,—читаем далее в письме,—продали за подати. Огородик твой и землицы жалкий клочек поросли сорной травой».

Мы умышленно довольно пространно процитировали указанное выше письмо, чтобы показать невозможность подобного внимания к крестьянству со стороны тех, кто в крестьянстве прежде всего и больше всего видел «наивную веру в царя»****) и не дооценивал его революционной роли в буржуазной революции.

Перечень «крестьянских вопросов», которых касается «Солдатский листок—Правда» можно значительно расширить: тут

---

*) Протокол IV с'езда РСДРП, стр. 165.
**) Рабочий листок «Правда» № 2.
***) Рабочий листок «Правда» № 2
****) Заявление бывш. меньшевика Мартынова.

есть и указание на то, что крестьянин платит налог за землю в 7—10 раз больше, чем дворянин», что у него нередко за долги продают последнюю буренку, что на-ряду с рабочими крестьянин выплачивает огромные косвенные налоги на сахар, спички и т. п. Что ежегодно до 300.000 крестьянской работоспособной молодежи отрывается от хозяйства для защиты помещичьего государства, что крестьянин бесправен и его могут высечь по первому капризу земского начальника и др. лиц и т. д. и т. п.

Достаточно сопоставить перечисленный выше круг вопросов, на котором заострялось внимание крестьян-солдат, с теми вопросами, которые в резолюциях по работе среди крестьянства указывает Коминтерн, чтобы убедиться, что и в крестьянском вопросе «С. Л. Правда» держалась отнюдь не меньшевистской ориентации.

В № 5 «Правды» имеется письмо от отца крестьянина к сыну солдату, где говорится:

> «Все разорились в разор и что будем делать, как будем жить, ничего неизвестно».
>
> «И еще слышно нам, что ваш полк посылали на усмирение и вы отличились и начальство вас похвалило и наградило. Ежели это так, то... нет тебе на это моего родительского благословения, и ежели ты также проливал невинную кровь и получил в награду за это отличие—знай, что ты мне больше не сын, а проклятый убиец»...

Приведенные цитаты достаточно убедительно говорят за то, что крестьянским вопросом нелегальные газеты, издававшиеся ташкентской группой РСДРП, интересовались; роль крестьянства в революции представляли более или менее правильно; работу среди кр-ства, хотя бы в лице солдат-крестьян, вели. Их слабым местом было то, что они не отдавали себе ясного отчета в необходимости создания в Ср. Азии союза между российским пролетариатом и местным крестьянством для борьбы с царизмом, по крайней мере мы не видим этого на страницах издававшегося ими «С. Л. Правды». Это несомненно слабое место «С. Л. Правды».

К числу минусов «С. Л. Правды» следует отнести также и отсутствие понимания той колонизаторской роли, которую в б. Туркестане играли крестьяне—переселенцы. Ясность в этом вопросе несомненно привела бы «С. Л. Правду» к более активной работе, как среди местного пролетариата, так и среди дехканства.

Национальный вопрос.

Среди некоторых членов КП(б)Уз распространено предубеждение, что вся социал-демократия Средней Азии в период первой русской революции игнорировала национальный воп-

рос, проявляла в этой области нигилизм. Если это мнение и имеет несомненное основание в отношении значительной части здешней с. д., все же неверно будет подобный нигилизм в нацвопросе распространять безоговорочно на всю социал-демократию Ср. Азии и в частности на руководящую группу газеты «Солдатский листок—Правда» и даже «Рабочий». Постараемся это обосновать.

Общая формулировка права наций на самоопределение была дана, как известно, еще Лондонским конгрессом (1896 г.) II Интернационала и 2-м с'ездом РСДРП.

Хотя и Лондонский конгресс и 2-й с'езд РСДРП под лозунгом самоопределения понимали право на отделение, однако сама формулировка этого лозунга была, как выразился на 10 с'езде РКП(б) т. Сталин, «совершенно расплывчатой», «туманной», что дало возможность в дальнейшем, как оппортунистическому правому крылу, в том числе российским меньшевикам, так и левому крылу (голландские и польские левые) международной с.-д. ограничительно толковать этот лозунг, сводя его к территориальной и даже культурно-национальной автономии.

Заслуга Ленина по нацвопросу (статьи 1910-16 г. г.) в том и состоит, что он восстановил подлинный революционный смысл лозунга самоопределения, заключавшийся в признании за угнетенными нациями права на отделение и образование самостоятельных государств.

В резолюции по нацвопросу, принятой на совещании ЦК РСДРП с партийными работниками летом 1913 года и принадлежащей перу Владимира Ильича, говорилось: «Что касается до права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т.-е. на отделение и образование самостоятельного государства, то с.-д. безусловно должна отстаивать это право» *).

Мы позволили себе некоторое отступление от непосредственного вопроса о позиции нелегальных соц.-дем. газет в нацвопросе для того, чтобы показать, что газета «Солдатский листок—Правда» в общей постановке нацвопроса не только не скатывалась на рельсы оппортунизма или левизны, но наоборот, в отношении отчетливости формулировок по данному вопросу еще в 1906 г. предвосхитила то, что дало совещание ЦК в 1913 году и о чем мы говорили выше.

Чтобы не быть голословным, обратимся к программной статье «Чего хотят рабочие» **), наполовину посвященной национальной проблеме. В этой статье говорится:

---

*) Ленин т. 19, ст. 35, § 4.

**) См. «Солдат. Л. Правда» № 2 от 7/II—06 г.

«Мы, социал-демократы, должны требовать, чтобы в республике каждая нация имела право определить свою судьбу, т.-е. желает ли она оставаться в государственном союзе с другими, и если нет, чтобы могла *выделиться* (А. Р.) из государства».

«Итак, рабочий класс требует равноправия населяющих Россию национальностей и признания за каждой национальностью права самоопределения, т.-е определения своего внутреннего управления и своего отношения к Российской республике».

В приведенной выше цитате, так же как и в большевистской резолюции 1913 г., отчетливо поставлен вопрос о праве выделения угнетенной нации в самостоятельное государство. Но более того, «Солдатский Листок—Правда» указывает, что с.-д. не должна смешивать двух вопросов:

а) признания права на отделение и б) целесообразности такого отделения.

«Мы не берем на себя,—говорится дальше в цитированной статье,—обязательства пропагандировать среди пролетариев всех наций требование отделения в федеративной или иной форме. Мы против насилия над волей нации, но мы же стоим за добровольное единение пролетариата всех национальностей, обитающих в России».

Достаточно сопоставить только что приведенную цитату в § 5 резолюции 1913 г. *), чтобы опять убедиться в верности большевистским принципам «С. Л. Правды». Итак, все вышеизложенное говорит за то, что общая постановка нацвопроса на страницах «Солдатского листка—Правда» была несомненно большевистская, а не меньшевистская.

Но мы вовсе не хотим скрывать от читателей и тех неясностей и ошибок, которые, по нашему мнению, имели место на страницах «Правды» в нацвопросе. Мы считаем, что разбираемая нами программная статья в тех местах, где от общей постановки нацвопроса нужно было переходить к постановке конкретной, носила «европейский» характер.

Видно, что ни автор статьи, ни ответственная за нее редколлегия (если таковая была) еще не осознавали стоящей перед ними колониальной проблемы.

Там, где говорится об особенно тяжелом гнете, испытываемом невеликорусскими нациями и об общности интересов

*) «В вопросе о праве наций на самоопределение (т.-е. обеспечение конституцией государства вполне свободного и демократического способа решения вопроса об отделении) непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос социал-демократическая партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм» (Ленин т. XIX ст. 35).

русских рабочих и рабочих других наций, фигурируют поляки, литовцы, финляндцы, евреи и наоборот отсутствуют узбеки, киргизы, туркмены, последние, как видно попадают в число тех, кто скрывается под рубрикой «и т. д.», но не игнорируются совершенно, о чем мы будем говорить несколько ниже.

О «европейском» характере конкретной постановки нацвопроса свидетельствуют следующие места из разбираемой нами статьи:

«Грабя и угнетая русский народ, правительство в то же самое время особенно сильно теснит поляков, литовцев, финляндцев, евреев, грузин, армян и др. инородцев».

«Интересы рабочих всех наций одинаковы: рабочие русские, финляндские, польские и еврейские несравненно ближе друг к другу по своим интересам, чем рабочий русский к русским капиталистам».

Забвение или полузабвение в программной статье местных национальностей, испытывавших не меньший, а, наоборот, больший гнет, чем финляндцы, поляки и т. д., для социал-демократа (большевика) и тем более работающего на территории Средней Азии—царской колонии—ни в коем случае не может найти себе оправдания. Однако, нельзя сказать, чтобы местные большевики, а в торжественной обстановке (конференция) и даже соц.-дем. в целом, не считали бы нужным вести работу среди коренного населения.

Мы не знаем, сохранилась ли резолюция по нацвопросу, вынесенная I-й туркестанской конференцией РСДРП, имевшей место перед мартом 1906 г. *), где очевидно были представлены, как меньшевики, так и большевики, однако из информации, выпущенной в марте 1906 г. союзом туркестанских организаций РСДРП, об этой конференции, выдержку из которой мы приводим ниже, видно, что вопрос о работе среди коренного населения и в частности среди рабочих туземцев обсуждался на этой конференции.

«Конференции,—читаем мы в информационном сообщении,—пришлось относительно дольше остановиться на вопросе о постановке работы среди туземного населения. Согласно резолюции, конференция предлагает всем товарищам на местах обратить особое внимание на туземный пролетариат, вести среди него возможно широкую социал-демократическую агитацию, как словесную, так и путем листков, а также и пропаганду, разумеется, где найдутся подходящие к тому условия **).

Если принять во внимание, что меньшевики никогда не являлись сторонниками последовательной и ортодоксальной

*) Мы ожидаем выхода работы по нацвопросу т. Алексеенко.

**) Информация о I туркестанской конференции РСДРП.

позиции в нацвопросе; то трудно предположить, чтобы I туркестанская конференция вынесла решение о необходимости «обратить особое внимание на туземный пролетариат» без давления большевиков. Как проводилось это решение в жизнь мы не знаем, но есть все основания предполагать, что проводилось оно довольно слабо, т. к. и в 1917 г. мы почти не имеем с.-д. из коренного населения. Здесь уместно будет отметить то отрицательное отношение к федеративному устройству государства, которое занимал «С. Л. Правда», вместе со всей нашей партией.

Правда, в то время как Ленин в письме к Шаумяну *) в 1913 г. в довольно резкой форме критиковал идею федерализма «Солдатский листок—Правда» гораздо мягче развивает ту же самую мысль, говоря: «Значит ли, что мы социал-демократы должны непременно стремиться к... превращению теперешнего об'единенного государства в федерацию (вольный союз)... более мелких государств? И отвечает: «Мы не берем на себя обязательства пропагандировать среди пролетариев всех наций требования отделения в федеративной или иной форме»**).

Наконец, чтобы иметь более точное представление о том, каков был удельный вес национального вопроса в революции 1905 г., не мешает, как это делает т. Сталин, сопоставить значение нацвопроса в тот период для России и Австрии.

В то время, как осью политической жизни Австрии был национальный вопрос, осью политической жизни России являлся вопрос аграрный. Уничтожение национального гнета в России мыслимо было лишь через слом крепостничества, через установление демократического строя, отсюда подчиненность национального вопроса у нас вопросу аграрному. Эту мысль Сталин выразил следующими словами.

«В России национальный вопрос выступает не как самостоятельный вопрос и решающий, а как часть общего и более важного вопроса раскрепощения страны. Не национальный, а аграрный вопрос решает судьбы прогресса в России, национальный вопрос—подчиненный»***).

В свете этой оценки роли национального вопроса в революции 1905 года мы и должны рассматривать, как заслуги, так и ошибки по нацвопросу работников «Солдатского листка —Правды».

*) «Мы за демократический централизм безусловно. Мы против федерации. Мы в принципе против федерации. Хочешь отделиться? Проваливай к дьяволу, если ты можешь порвать экономическую связь. Не хочешь отделяться. Тогда извини, за меня не решай, не думай, что ты имеешь право на федерацию» (Ленинский сборн, № 3—47?).

**) «Сол. Правда» № 2 ст. 3.

***) Сборник «Марксизм и нацвопрос», стр. 280.

Отношение к государственной думе.

В числе вопросов, резко отделявших большевиков от меньшевиков, был и вопрос об отношении к государственной думе. В то время, как большевики бойкотировали и Булыгинскую и Виттевскую (1-ю) госдуму*) меньшевики высказывались за участие в избирательной процедуре в Булыгинскую думу и за полубойкот 1-й госдумы, который должен был заключаться в том, чтобы рабочие выбирали уполномоченных, уполномоченные—выборщиков и чтобы уже последние принимали резолюцию бойкота государственной думы и, таким образом, отказывались от выборов депутатов. Особую позицию занимал Плеханов, высказывавшийся не только за участие в выборах, но и за участие в государственной думе. Так как газета «С. Л. Правда» стала выходить в январе 1906 г., когда вопрос о Булыгинской думе уже был снят с повестки дня самой жизнью, то нам придется остановиться на позиции «С. Л. Правды» лишь в отношении к 1-й думе, а позиция эта была такова:

> «Нынешняя государственная дума—читаем мы на страницах этой газеты,—данная царем в виду требований всего народа, дает избирательное право только небольшой, наиболее богатой части народа, потому не может быть защитницей народа. Кроме того она в сущности не имеет никаких прав. Поэтому, следует отвергнуть государственную думу... и требовать созыва учредительного собрания»**).

Итак, мы видим, что и в этом вопросе «С. Л. Правда» идет не по пути меньшевистского полубойкота и не по пути Плехановского признания госдумы, а становится на точку зрения большевиков и требует созыва учредительного собрания, бойкотируя думу.

Интересно здесь попутно отметить, что даже ташкентская группа Р. С. Д. Р. П., которая обычно характеризуется, как «определенно меньшевистская», в вопросе об отношении к Булыгинской думе говорит языком большевиков. В прокламации, выпущенной по поводу проекта Булыгинской думы, говорится:

> «Мы, сознательные рабочие, протестуем против Булыгинского проекта государственной думы, в которой будут обойдены интересы рабочих, и требуем созыва учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Долой Булыгинскую государственную думу».

---

*) Позиция бойкота 1-й государственной думы Лениным впоследствии в «Детской болезни левизны» была признана отчасти ошибочной.

**) «Солдатский листок—Правда» № 3—4 «Что значит—долой царское самодержавие?».

О свободном народном государстве.

Мы не можем обойти молчанием и той оппортунистической точки зрения, которая на страницах газеты «С. Л. Правда» развивалась в отношении т. н. «свободного государства». Лозунг «Свободного народного государства», был программным требованием немецкой социал-демократии 70-х годов. Ленин критиковал этот лозунг, считая, что он не только подкрашивает буржуазную демократию, но больше того, способствует непониманию пролетарской критики всякого государства.

«Всякое государство, говорит Ленин, есть особая сила для подавления угнетенного класса. Поэтому всякое государство не свободно и не народно»*).

Энгельс в «Анти Дюринг» также отмечал, что лозунг «свободного народного государства» совершенно не состоятелен в научном смысле и имел лишь временное агитационное значение.

«Солдатский листок—Правда», как бы в противовес большевистской точке зрения на государство, пишет:

> «На место тиранического полицейского государства должно стать свободное народное (демократическое) государство».
> «Свободное народное государство не нуждается в повелителе монархе»**).

В этом же духе написано и стихотворение «Песня рабочих», помещенное в № 3—4 «Правды», где говорится:

> «Требуй прав и свободы, и счастья;
> Требуй равенства, братства во всем;
> Требуй жертв и любви, и участья,
> Чтобы правда царила кругом»...

Это при буржуазной-то демократии!?

Тут ясно оппортунистическое пленение, в котором на этот раз оказался «С. Л. Правда».

Военный вопрос

Путь от монархии к демократической республике большевики мыслили только через вооруженное восстание, возглавляемое пролетариатом, несомненный успех которого может быть обеспечен лишь при условии слияния, как говорил Ленин, в единый поток трех ручьев: рабочих, крестьян и солдат. Отсюда понятно то внимание, которое большевики

---

*) Ленин, т. XIV г. II, Государство и Революция. Гл. 4.
**) «Солд. лист. Правда» № 2. Чего хотят рабочие.

уделяли как проблеме вооруженного восстания в целом, так и ее отдельным частям (организация вооруженных сил, техника вооруженных сил, тактика вооруженного восстания).

В постановке вопроса вооруженного восстания большевиками следует различать 3 периода: первый, —когда речь шла «только о собирании армии, т.-е. о пропаганде, агитации и организации вообще»*), второй—когда уже ставился отчетливо вопрос о подготовке восстания, но еще не было прямого призыва к восстанию**)—и, наконец, третий,—когда восстание ставится в порядок дня (1905). Ленин в отношении 3-го периода писал: «Начиная с 9 января рабочее движение у нас на глазах вырастает в народное восстание»***). Диаметрально-противоположных взглядов придерживались меньшевики, трактовавшие вооруженное восстание, как бланкизм.

Первая меньшевистская конференция, работавшая параллельно в 3-м с'езде большевиков, по словам Мартова, «высказалась против заговорщических представлений об организации восстания»****).

Посмотрим, что собою представляла позиция «С. Л. Правды» в военном вопросе, на какие стороны этого вопроса она обращала внимание, и доросли ли его руководители до сознания, что вооруженное восстание поставлено ходом исторических событий в порядок дня.

Обращает прежде всего на себя внимание то обстоятельство, что из всех подпольных социал-демократических газет, издававшихся в Ср. Азии, лучше других как в техническом, так и теоретическом отношении был поставлен именно «Солдатский листок—Правда», что, по нашему мнению, не является случайным. Свои задачи в первом номере она определяла следующим образом: «Наша газета ставит себе целью просветлять сознание солдата, раз'яснять ему отношение к начальству, указывать ему на его истинных друзей и врагов, откликаться на все его нужды и приходить ему на помощь в борьбе за его интересы».

Вопрос о зрелости России для вооруженного восстания «С. Л. Пр.» решает по большевистски, т.-е. положительно. На ее страницах мы видим зычный призыв к вооруженному восстанию. Уже в первом номере солдаты призываются последовать примеру сознательных матросов с броненосца Потемкина, поднявшего красное знамя.

«Надо, чтобы солдаты выступали вместе с народом, в его рядах и не против его», читаем мы тут же.

*) Ленин, т. I «Задачи русских социал-демократов» 1897 г.
**) Ленин, т. V «Что делать» 1902 г.
***) Ленин, т. VI. Статьи 1905 г. и решения 5 с'езда Р. С. Д. Р. П.
****) Мартов. История российской социал-демократии. Ч. I, стр. 109.

Тот же самый мотив, но еще с большей силой чувствуется и в письме матроса к солдату, которое помещено во втором номере «С. Л. Правды».

> «Когда тебя еще раз пошлют убивать беззащитных рабочих и крестьян, прикажут тебе твои начальники стрелять в них, иди к рабочим и скажи им: я с вами товарищи, я за вас, за свободу, за братство (? А. Р.), за равенство, за правду», и бей, бей с ними вместе врагов народа, врагов свободы, бей начальников, бей губернаторов, князей, бей царя, бей всех паразитов, бей всех вешателей, душителей проклятых и ты увидишь, как тебе будут благодарны рабочие». .

Невозможно допустить, чтобы с таким сильным, неподдельным призывом «бить» всех врагов рабочих и крестьян могли бы обратиться к солдатам меньшевики, которые даже в лице наиболее близкой к большевикам группы Плеханова в тайниках своей души уже в 1905 году носили «сомнение» насчет необходимости вооруженного восстания, которое (сомнение) после поражения декабрьского вооруженного восстания в гор. Москве прорвалось у Плеханова в его словах: «не нужно было бы браться за оружие». Таким мог быть только клич большевиков.

В следующем № 3—4 мы читаем:

> «Солдаты, народ тепеь доведен до отчаяния и скоро возьмется за оружие. Вы имеете оружие, приобретенное на народные деньги, это оружие принадлежит не генералам, не офицерам, а народу, отдайте же народу его оружие».
>
> «С них (потемкинцев) берите пример, солдаты всех частей русской армии.
>
> «Стреляйте в убийц-командиров».
>
> «Смерть палачам—убийцам».

Нам кажется нет особой надобности подчеркивать невозможность говорить таким языком со стороны тех, кто считал в 1905—6 г., что рабочих надо еще только «вооружить сознанием необходимости вооруженного восстания».

Есть основание предполагать, что и обилие прокламаций и листовок, адресованных к солдатам и выпущенных ташкентской организацией Р. С. Д. Р. П., не обошлось без большевистского влияния на массы, под давлением которых, «военизировались» и меньшевики.

Помимо общеполитических вопросов, вопросов о вооруженном восстании, «Правда» затрагивала самые разнообразные стороны солдатского быта, ведя таким образом солдат от офицерской зуботычины, денщичества и тухлого мяса на солдатской кухне к необходимости свержения самодержавия. Ограниченность места не позволяет подробно останавливаться на этой стороне дела, но умению увязывать вопросы повседневного солдатского быта с широкими политическими зада-

чами, которые обнаруживала «С. Л. Правда», пожалуй могут позавидовать и некоторые секции Коминтерна, не особенно искушенные еще в военном вопросе.

Мы не хотим этим сказать, что «С. Л. Правда» подробно разработал все частные вопросы, связанные с проблемой вооруженного восстания, наоборот, мы обязаны констатировать, что ни вопросы организации вооруженных сил (боевые дружины, «система партийной милиции», выработка «кадров руководителей рабочими массами во время восстания»), ни вопросы техники (снабжение оружием, мастерские бомб, пользование динамитом, транспорт оружия), ни, наконец, тактика вооруженного восстания (партизанские выступления, уличные бои, выработка опыта «наступительных и внезапных действий») не получили должного освещения на страницах газеты.

Однако, и то, что давала «С. Л. Правда» в условиях 1905 г., при известной оторванности от центра, в военном вопросе надлежит оценивать, как крупный вклад в большевистский арсенал классовой борьбы.

Ведь не случайно же, количество вооруженных солдатских выступлений, падающих на Среднюю Азию, довольно значительно.

Чтобы закончить с военным вопросом, мы остановимся кратко на идее всеобщего вооружения народа (народная милиция). Как известно, этот лозунг был программным требованием с.-д. партий в эпоху II Интернационала и имел такое же значение, как и лозунг «всеобщего избирательного права» и т. д. Требование замены постоянной армии народной милицией было включено в программу Р. С. Д. Р. П. на 2-м с'езде и оставалось без изменений до 8 с'езда, когда был решен вопрос о создании классовой армии рабочих и крестьян.

«Правда» в этой области ничего нового не сказала и пропагандировала общую для всей социал-демократии идею народной милиции.

Надо вырвать войско из рук правительства, читаем мы в статье «Долой постоянную армию»*), надо, чтобы место царской постоянной армии заняла армия народная, свободная... Весь народ должен быть вооружен и обучен владеть оружием. Теперяшняя постоянная армия должна быть заменена всенародным ополчением (милициею)».

Организационные принципы.

Организационным вопросам, как известно, Ленин придавал большое значение, считая, что организация «удесятеряет

*) «Солдатский листок—Правда» № 5.

силы» и тем самым способствует более легкому разрешению вопросов, стоящих перед пролетариатом, как в период буржуазной и социалистической революции, так и в период строительства социализма. Двадцатилетнее существование ВКП(б) показало, что Ленин был прав, вступая в непримиримую борьбу по организационному вопросу еще на 2-м с‘езде с Мартовым и Троцким, обвинявшими его в «организационном фетишизме», в преувеличении роли организационного момента.

Внимательно просмотрев все пять номеров «Солдатского листка—Правда», мы не только не встретились здесь с «преувеличением» роли организационного момента, на что казалось бы мы были вправе рассчитывать (особенно после ознакомления со взглядами «Правды» по военному вопросу), но, наоборот, мы должны констатировать тот факт, что вопросам партийного строительства газета не уделяла никакого внимания.

Наоборот в № 1 «Рабочего» мы встречаемся с положительной оценкой, которую дает автор статьи «Самодержавие и Кавказ» организационным принципам, развивающимся на страницах «Искры». Здесь мы читаем:

> «Организационные взгляды «Искры» об единой социал-демократической рабочей партии дали прекрасные результаты. Армянские, грузинские и русские рабочие, об‘единенные нашей партией, выступили так дружно против провокаторской политики царизма, что этот последний бросил надежду таким именно путем осуществить свои коварные замыслы».

О том, что организационная сторона в практической работе всей средне-азиатской с.-д. сильно хромала, мы можем судить по информации о I-й Туркестанской конференции, где говорится:

> «Наша деятельность за Каспием носила разрозненный характер. Отдельные организации не были тесно связаны между собою, не имели единого местного центра, лишены были постоянных связей с общепартийными центральными учреждениями».

Итак, абсолютное отсутствие на страницах «С. Л. Правда» статей и заметок, затрагивающих организационные принципы партийного строительства,—является, пожалуй, наиболее уязвимым местом в большевистской (в основных чертах) платформе этой газеты, но это отнюдь не может нас привести к дворяновским выводам о меньшевистском лице всей ташкентской организации.

Выводы.

Довольно подробный разбор, сделанный нами в отношении программных, тактических и организационных позиций «Солдатского листка—Правда», приводит нас к следующим выводам:

1. В период первой русской революции 1905-6 г. г. в бывшем Туркестане имелсябольшевистский (по своему основному направлению) подпольный орган «Солдатский листок—Правда», самый факт существования которого говорит за то, что в Ташкенте имелось достаточно оформленное большевистское течение, которое, правда, в ряде вопросов не было вполне ортодоксально большевистским и несло на себе следы меньшевистской мути (свободное народное государство, неясность в колониальном вопросе, орг. вопрос и др.).

2. Характеристику ташкентской с.-д. группы, данную Дворяновым и Муравейским («ярко меньшевистская», «определенно меньшевистская»), следует признать неточной, поскольку она недооценивает роли большевиков в этой организации, каковая (роль) в действительности была, насколько это можно судить по «Солдатскому листку—Правда», значительно выше.

3. Перед Испартом Ср.-Аз. Бюро стоит задача более подробного изучения удельного веса и идейного влияния большевиков в рядах ташкентской и вообще туркестанской социал-демократии.

В. Колчин.

От кружка до 1-го Туркестанского с'езда КСМ

Как возник кружок ташкентской молодежи.

Начало кружка молодежи было положено летом 1918 года. Пробужденная Октябрьской революцией молодежь ощупью искала путей, могущих вывести ее на широкое поле общественной деятельности.

Молодежь тянулась к знаниям, к организации, могущей ей помочь в разрешении ее насущных вопросов.

В партийной организации и профсоюзах вопрос о специальной работе среди молодежи тогда еще не ставился не только в 18-м году, но и гораздо позднее, что и можно видеть из последующей работы молодежи, но, пожалуй, главными причинами, не давшими партии обратить внимание на работу среди молодежи, были более существенные моменты, как-то: борьба на фронтах, укрепление советов, бравшие у партии все внимание—такова была обстановка в середине 1918 года.

Первая попытка к организации молодежи была сделана со стороны служащих почты (Колчин и Гаврилов) и курсанта военной школы (Дудин).

В начале августа группа слушателей курсов бухгалтерии при о-ве взаимопомощи частных служащих в Туркрае, по инициативе указанных товарищей, после долгих бесед о необходимости для молодежи иметь свою организацию создала инициативную группу, которой было поручено написать устав союза молодежи.

Инициативная группа из 3-х человек Дудина, Колчина и Агафонова, приступив к составлению устава, первым пунктом наметила «культурное развитие молодежи и предоставление ей разумных развлечений». А затем по трафарету устава о-ва взаимопомощи переписала из него почти все пункты с некоторыми изменениями, выдвинутыми жизнью.

К сожалению, у меня нет под руками экземпляра первого устава, и я не могу указать на те изменения, которые были внесены нами. После составления устава, 9-го августа в по-

Группа активистов Ташкентского Коммунистического Союза Молодежи 1919-го года.

Сидят слева направо т. т.: Казачков, Мельников, Шварц, Скрипников. Стоят слева направо т. т.: Фетистов, Финкельштейн, Сергеев, Колчин, Степанов, Шистер, Салина, Жупанов и Остроухов.

мещении бухгалтерских курсов при клубе о-ва взаимопощи было устроено собрание, на котором присутствовало 10 человек. Был утвержден устав, дано наименование союзу «Союз Ташкентской молодежи им. Полторацкого», в память расстрелянного на Закаспийском фронте белогвардейцами первого народного комиссара труда Туркестанской республики т. Полторацкого, и выбрано правление, в которое вошли председателем Дудин, секретарем Колчин, казначеем Агафонов.

На следующий день после занятий на курсах Церпицкий М., коммунист, член Ташкентского совета, узнав из разговоров, что мы организовали союз и присвоили ему имя Полторацкого, заявил нам:

«Я сообщу в совет, что вы без разрешения его назвали союз именем коммуниста Полторацкого и вас за это арестуют».

Боясь ареста за самовольное наименование, мы собрали общее собрание, которое изменило название на «имени Толстого». Связывать имя Толстого с задачами союза, конечно, было нелепо, но мы тогда и не сознавали этого и приняли это название лишь потому, чтобы исполком не запретил работу союзу, а само имя Толстого нам порекомендовал присутствовавший при нашем обсуждении член правления клуба. «Толстой, дескать, за культурное развитие, именем его и назовите», с ним и согласились. Судя по этому случаю, можно заключить, что опыта у нас совсем не было, мы делали все наугад. Руководства и указаний со стороны партии и советских органов мы не имели.

С новым названием мы отправились в президиум Ташкентского исполкома получить утверждение нашего устава. Председатель совета, кажется т. Шумилов, ответил, что этими делами совет не занимается, а поэтому и утверждать не будет. Цели у вас культурные, обратитесь в комиссариат просвещения».

Отправились мы в Туркнаркомпрос к т. Сорокиной. Та, рассмотрев наш устав, сообщила—«у рабочих и служащих есть профсоюзы и без вашего, вот, если бы союз учащихся создали, тогда вас бы утвердили и помощь станем оказывать». Несмотря на все наши доводы, что и учащихся мы тоже будем принимать, она твердо стояла на своем и, когда мы отказались создавать ученический союз, не утвердила наш устав.

Пробовали мы сунуться в профсоюз, в партийный комитет, но везде от нас отмахивались, там было не до нас.

Наконец, один партиец, кажется юрист, посоветовал обратиться к нотариусу. И вот там-то, у нотариуса Гнедовского,

был зарегистрирован наш устав, взысканы сборы и наш союз появился в свет, на основе правовых норм царского закона. На нашем уставе красовалась гербовая марка с двуглавым орлом.

Начали работать. Работа заключалась в вербовке новых членов и спорах, как начать работу. Говорили много, а толку мало. В этот период на одно из наших собраний пришла т. Финкельштейн И. И., долго говорила с нами, давала советы. Узнав о том, что мы не имеем места, где собираться, она обещала нам содействие. После ее переговоров мы получили право собираться по вечерам в кабинете председателя совпрофсоюза т. Гаврилова и получили в свое распоряжение левый верхний ящик в его письменном столе, для нашей канцелярии. Это уже был успех. Нам оказали первое содействие. Выросли мы к этому времени до 22-х человек, главным образом, за счет служащих. Попытки втянуть рабочих делались, но кончились неудачей—на нашу затею смотрели, как на детскую игру и устраивать собраний молодежи для раз‘яснения задач союза и вербовки профорганизации нам не давали.

Долго продолжаться такое положение не могло: мы не видели возможности увеличить свои ряды, предоставленные самим себе, без помощи извне. Были слухи, что в Москве есть союз молодежи, но как они работают, какие их цели, задачи, мы не знали. Связаться с Москвой тоже не могли из-за «дутовской пробки». В этот момент в Ташкенте появился т. Качуринер. Тов. Финкельштейн познакомила его с нашей организацией, он живо заинтересовался нами. С первых-же шагов в беседах с нами он указал нам необходимость втянуть в союз рабочую молодежь и переименовать его в «социалистический», изменив, соответственно этому, устав и программу. В числе книг, привезенных из центра России, оказался «Юный Пролетарий». Из него мы получили представление о характере союзов в Москве и Ленинграде. Кроме того, беседуя с нами, он давал нам сведения о их работе. При содействии т. Качуринера мы получили право послать 2-х представителей в Ташкентский совет и одного в совет профсоюзов, где они должны были защищать наши интересы. Сейчас покажется дико, если вздумать выбирать от комсомола в совет или профсоюзный орган. Но тогда это имело место и считалось нормальным. Мало этого, чтобы мы могли получить финансовую поддержку из совета профсоюзов, т. Качуринер поставил на пленум профсовета вопрос о включении нас в состав профсовета на правах профсоюза. Но, несмотря на его горячую защиту, большинством левых эсеров

против голосов большевиков в признании нас профсоюзом было отказано и в профсовет нас не приняли. Мы тогда были этим страшно огорчены.

Вопрос о реорганизации был поставлен на очередь. Стали нащупывать почву среди рабочих-печатников и железнодорожников. В местной прессе («Наша газета») появился ряд статей т. Качуринера о значении союза молодежи; помещен был примерный проект устава. Затем через профсоюзы было отдано распоряжение в типографии и железнодорожные мастерские об освобождении молодежи с работ на два часа ранее, а также сообщено о дне и месте и характере собрания в газете.

Настал день собрания 24 нояря 1918. Еще задолго до начала зал заседания в доме им. Карла Маркса (б. дом Захо) был набит рабочей молодежью. Более сотни ребят, выпачканных мазутом, свинцовой пылью, пришли прямо с работы на собрание.

В группах шли оживленные шумные разговоры о союзе молодежи. Появился Качуринер и начал доклад о значении союза молодежи, о его целях и задачах, призывая рабочую молодежь влиться в ряды союза. После доклада была принята резолюция о создании ташкентского социалистического союза рабочей молодежи, на основе устава, предложенного т. Качуринером. Затем было избрано правление союза из 7-ми человек, в которое вошли: Кобозев (печатник), Гольцев (железнодорожник), Горлов (прод. управ.), Раппопорт (Народ. банк), Колчин (почтовая к-ра), Гаврилов (почта) и Мезенцов (железнодорожник).

С этого дня начался новый этап в работе ташкенской молодежи, заложен прочный фундамент будущего мощного КСМТ.

Первые шаги социалистического союза.

После организационного собрания, на следующий день —25 ноября—избранное правление распредилило свои обязанности. Председателем—Гаврилов, товарищем председателя—Кобозев, секретарем—Колчин, казначеем—Раппопорт; членами правления—Гольцев, Мезенцов и Горлов.

На этом заседании по указанию т. Качуринера мы наметили провести всю подготовительную работу к вербовке в течение 3 недель. Получили, по распоряжению т. Качуринера, 200 рублей от профсоюза на печатание членских билетов, анкет, изготовление печати. Для работы отвели нам отдельную комнату в доме б. Захо, где мы и разместились. Общими усилиями оборудовали канцелярию, кто ручку притащил, кто

бумаги, а железнодорожники выточили медную чернильницу. Печатание протоколов и материалов возложили на т. Самину, работавшую при типографии военного округа.

Наметили выпуск журнала, названного ,,Юный Труженик''. Редактирование журнала взял на себя т. Качуринер. В первом номере решили перепечатать часть материала из ,,Юного Пролетария'', поместить несколько статей и заметок инструктивного характера, в том числе устав союза и правила для вступающих в союз. Культпросветкомиссия наметила устройство вечеров.

С 18-го декабря начали выдавать завербованным членам билеты. Вербовку членов проводили, главным образом, в железнодорожных мастерских ташкентского узла, в типографиях: ,,Туркестанских Ведомостей'', б. ,,Туркестанский Курьер'', б. Порцева и военного округа. Из завербованных в первые 2 месяца 150 человек не более 15-ти человек были служащие, остальные были все рабочие—печатники и железнодорожники. Социальная база для работы союза была прочная. Выдвинутые на руководящую работу ребята из печатников и железнодорожников за работу взялись крепко. Особенно это показали печатники, устраивавшие субботники для набора и печатания журнала, устава и других материалов, что при отсутствии средств у союза было большой помощью. Особенно нужно отметить большую работу, проделанную в этот период т. Кобозевым, Жупановым, Казачковым (печатники), Цезаренко, Сергеевым, братьями Степановыми, Мезенцовым (железнодорожники). Это был первый актив нашего союза, с первых дней своего вступления в союз принявший на свои плечи большую часть работы союза.

Попутно нужно сказать, что Гаврилов, избранный председателем—был только на первом заседании правления, затем уехал в Семиречье и от союзной работы ушел совершенно, не успев даже к ней приступить. В течение месяца были переизбраны еще два председателя—Моисеев (шоффер) и Астафьев, изгнанный из союза после январских событий.

Ко 2-й половине января 1918 года союз развернулся вовсю. По вечерам комната правления набивалась до отказа пришедшими членами союза и молодежью, желающей вступить в союз.

Январские события.

Белогвардейское восстание Осипова 19—21 января нанесло тяжелый удар нашему союзу. В числе расстрелянных белогвардейцами вождей Туркестана мы потеряли нашего идейного руководителя т. Качуринера.

Помню, мы готовились к вечеру, устраиваемому 19 января в клубе о-ва взаимопомощи. Засиделись долго. Когда ребята уже расходились, зашел т. Качуринер, Каплан и И. Финкельштейн. Тов. Качуринер предложил сегодня-же проверить материал, приготовленный для 1-го номера „Юный Труженик". Просмотрев материал, дал указания, как произвести верстку, разместить лозунги, просил поторопить типографию с напечатанием журнала. Он говорил, что напечатанный журнал мы разошлем по краю, и это поможет зарождению организаций молодежи по краю.

Затем, расспрашивая о ходе работы союза, давал указания, как лучше наладить работу. Узнав, что мы уже завербовали 150 человек, он сказал: „Подождите, через несколько месяцев выростет не один десяток организаций". Когда он уходил домой, я и еще двое ребят проводили его по улице Карла Маркса до сквера. Это была последняя наша беседа с ним, через несколько часов его уже не стало.

Восстание нарушило нормальную работу союза более, чем на 2 недели, так как актив был отвлечен на ликвидацию восстания и его последствий. Когда удалось собраться нам вновь, то мы выявили, что некоторые члены союза, в том числе недавно избранный председателем Астафьев, принимали участие вместе с гимназистками в организации санитарной помощи белогвардейцам. Тогда-же было решено произвести чистку союза, выбросить из него примазавшихся. При чистке союз освободился и от пособников белогвардейцам и от других элементов, которым с нами было не по пути. В состав нового правления вошло более половины проверенных активистов-партийцев. К приему новых членов после чистки мы стали подходить более осторожно, ставя целый ряд ограничений для служащих.

О слиянии с социалистическим коллективом учащихся.

В первой половине января 1919 года к нам в союз явились представители социалистического коллектива учащихся и предложили слиться с нашим союзом. Коллектив учащихся состоял из учеников средних школ и ставил своей задачей вовлечение учащихся в политическую работу. Было в нем около 20 человек сочуствующих коммунистам и с. д. интернационалистам. Часть правления, особенно железнодорожников, во главе с Сергеевым, была против принятия коллектива учащихся, мотивируя тем, что большинство учащихся во время последнего восстания была против рабочих, и предлагала принимать их в союз на общих основаниях, индивидуально,

выбирая более надежных и близких нам по своим воззрениям и социальному происхождению. Представители учащихся настаивали на приеме всего коллектива целиком. На первом заседании к соглашению не пришли.

Но затем, после горячих споров мы все-таки решили учащихся в союз принять. На следующем заседании правления с представителями коллектива учащихся было принято постановление о принятии коллектива в союз с обязательством во всей работе среди учащихся руководствоваться программой и уставом союза. 15 февраля на общем собрании союза коллектив был принят целиком в союз. При приемке часть учащихся отсеялась, остальные были нагружены преимущественно культпросветработой.

В конце февраля вышел из печати первый номер журнала „Юный Труженик", и мы, воспользовавшись происходившим в это время краевым с'ездом советов, через делегатов распространили журнал по всему краю. В целом ряде пунктов края по получении журнала приступили к организации союза молодежи по образцу ташкентского. Так возникли организации в Верном, Урсатьевской, Самарканде, Кагане, Чарджуе и др. городах. Впоследствии, когда мы стали получать целый ряд писем от организаций по краю, мы вспомнили слова т. Качуринера о громадной роли журнала в создании новых организаций, для которых путь к созданию союза был указан журналом. Несколько экземпляров журнала было послано в Москву—в ЦК РКСМ.

15 апреля на общем собрании ташкентской организации было принято постановление о переименовании нашего социалистического союза в коммунистический. В постановлении было указано, что, в связи с переименованием в центре России союза в коммунистический, мы принимаем это название и считаем себя частью РКСМ. Этим закончился второй этап в работе союза молодежи в Ташкенте.

Развертывание работы коммунистического союза.

Вскоре после переименования союза в коммунистический нам отвели новое помещение в саду Луначарского. Это помещение ранее было занято складом для мебели и дров, было без окон. В сильные дожди глиняная крыша протекала. Но для нас довольно было и этого помещения для хранения шкафов и столов, а работу всю проводили в саду, где места было более, чем достаточно. В саду Луначарского мы повели широкую культурно-просветительную работу. Организовали

библиотеку, выделив на эту работу В. Михайлову, в то время вступившую в наш союз. В саду устроили турник для физкультурников. Часто, не реже раза в неделю, устраивали вечера самодеятельности и громкие читки. Вечера самодеятельности помогли выявить культурный актив в нашей среде и использовать его для дальнейшей работы. Иногда перед вечером самодеятельности мы слушали доклад по текущему моменту или лекции по истории революционного движения.

Создали хор и драмкружок, которые выступали не только для нашей аудитории в Доме Луначарского, но и обслуживали иногда клуб Карла Маркса и клуб железнодорожного района. Была попытка завести подобие литературного кружка, на котором разбирали ,,Двенадцать" Блока и др. Еженедельно проводили военное обучение. Один из университетских лекторов—Вайнштейн читал лекции по ,,истории социализма". Такому широкому развертыванию культпросвет работы способствовал ташкентский отнароб, давая лекторов бесплатно и помогая средствами.

Весну и лето 19-го года можно считать одним из лучших этапов расцвета ташкентской организации комсомола. Работа могла бы развернуться и шире, но мешало военное положение, ограничивавшее размах работы.

Организация наша росла беспрерывно. Были организованы коллективы нашего союза в целом ряде школ и интернатов.

Ташкентская организация была разбита на два района—городской и железнодорожный. В наш состав влился культурно-просветительный кружок армянской молодежи, работавший в армянском клубе.

В начале мая, была получена из Верного телеграмма за подписью Франка, извещавшая об организации союза. Затем стали поступать известия о создании союзов молодежи и из других городов края. В своих письмах вновь возникшие организации обращались к нам за указаниями и помощью, мы делали все, что было в наших силах, посылали журналы, информировали о нашей работе. Обмена опытом путем посылки наших ребят на места мы еще проделать не могли из-за отсутствия, как средств, так и свободных работников. Партийные организации еще и тогда не придавали серьезного значения работе союза молодежи.

Стихийный рост организаций по краю, начавшийся летом 19-го года, заставил нас подумать о создании органа, могущего держать постоянную связь с другими организациями. Эта работа была возложена на агитком ташкентского союза, который и вел ее до получения полномочий от ряда организаций стать временным краевым бюро до краевого с'езда.

Приступив к работе в составе председателя Колчина и членов Финкельштейна (ныне Штейн) и Фетисова, агитком, в первую очередь, решил использовать прессу. В ,,Известиях'' ТурЦИК'а стали помещать статьи и заметки о работе молодежи и затем добились организации ,,Странички рабочей молодежи''. Страничка выходила нерегулярно из-за недоброжелательного к нам отношения редактора ,,Известий'' Галача.

Более внимательно к нам относились газеты ,,Туркестанский Коммунист'' и ,,Иштракиун'', но эти газеты выходили не ежедневно и при всем желании много места нам уделить не могли, но все-таки все, что было нужно нам, всегда находило место на их страницах.

В то-же время агитком наметил провести организацию местной узбекской и татарской молодежи. Начали с молодежи, обучающейся в татарском институте просвещения. Большую помощь нам в этой работе оказал т. Ахметшин, вступивший еще в социалистический союз. Он у нас был и переводчиком на собраниях, и агитатором по раз'яснению среди татарской учащейся молодежи задач комсомола, и переводчиком статей для «Иштракиуна». Начали с организации татарской молодежи, потому что хотели создать из среды них кадр работников для организации молодежи из коренного населения. После организации коллектива мы несколько раз пытались приступить к организации узбекской молодежи в старом городе. Договорились на одном собрании с бывшим в то время председателем старо-городского профсовета т. Садыковым, чтобы он в определенный день собрал молодежь, работающую на предприятиях в старом городе, на организационное собрание. На это собрание мы отправились целой группой: я, Остроумов, Сергеев и др. Прождали полдня, но никто не собрался. По отношению к созыву этого первого собрания мы видели, что к нашей попытке втянуть коренную молодежь в союз старшие товарищи из старо-городских работников относятся недоверчиво. Пытались говорить с другими старо-городскими работниками, в частности с т. Низаметдин-Ходжаевым. Все они считали желательным организацию коренной молодежи, но, когда мы просили оказать нам в этом деле содействие, то на словах обещали, а практических мероприятий помощи не оказывали. Так наши первые попытки успехом не увенчались.

Эта неудача дала повод некоторым активистам критиковать агитком и говорить, что в старом городе союз молодежи создать нельзя. Дальнейшая работа показала, что это неверно.

Были еще попытки создать организации нашего союза среди крестьянской молодежи в селах Никольском и Троицком.

С приездом в Ташкент уполномоченного ВЦИК т. Кобозева, при его содействии, мы стали получать большую поддержку партийных организаций и профсоюзов. Нам стали выделять средства на содержание одного платного работника для ташкентской организации. Платным работником был выделен Марк Остроухов, оказавшийся весьма ценным работником не только, как технический секретарь, но и как работник редколлегии. По смете агиткома были отпущены средства на посылку агитаторов по краю. В Фергану агитком отправил Фетисова и Шварца, а т. т. Мельникова и Финкельштейн—послали в Самаркандскую и Закаспийскую области. Посланные агитаторы организовали в нескольких городах союзы и получили целый ряд постановлений, в которых места уполномачивали агитком ташкентской организации взять на себя функции временного краевого бюро и провести всю организационно-подготовительную работу к краевому с'езду. Агитком был преобразован в вр. крайбюро и начал вести подготовительную работу к с'езду. Большую помощь в подготовительной работе оказал и т. Кобозев своими указаниями. С'езд предполагалось созвать в декабре месяце. На места были разосланы необходимые указания. В конце октября краевое бюро отправило с культурно-просветительным поездом, идущим на Закаспийский фронт, двух своих членов—Колчина и Зевина (влитого в крайбюро от самаркандской организации). Мы захватили с собой большое количество литературы, только что полученной из Москвы. По пути до Кизыл-Арвата мы ознакомились со следующими организациями: урсатьевской, самаркандской, катта-курганской каганской, чарджуйской, байрам-алийской, мервской, тедженской, душакской, гинсбургской, полторацкой, снабдив их литературой. Целый ряд организаций был уже достаточно крепким, особенно самаркандская, кокандская (с Эмир-Абадом), чарджуйская (чисто рабочая организация, целиком военизированная), и мервская. В полторацкой организации мы нашли разлад, вызываемый трениями между учащейся городской молодежью и железнодорожниками, относившимися с недоверием к части учащихся, оказывавших содействие белегвардейцам в ведении просветительной работы путем пожертвований книг (Л. Кудюрова), за что белые благодарили их в местной газете. Дав целый ряд указаний, как устранить трения, мы предложили удалить из союза разлагающий элемент, произвести перевыборы правления, введя туда больше железнодорожников. По приезде в Кизыл-Арват, несколько дней назад очищенный от белых, мы с Зевиным созвали организационное собрание молодежи и создали организацию. В Мерве нам

пришлось отклонить желание здешних ребят перед краевым с‘ездом созвать областной с‘езд.

Еще до нашего возвращения в Ташкент мы из газет узнали, что приехавшие с Турккомиссией комсомольцы реорганизовали крайбюро, влив в него более половины приехавших ребят. Техническое проведение оставшейся невыполненной работы по созыву с‘езда было проделано новым бюро. В январе 20-го года был созван 1-й краевой с‘езд, подведший итоги проделанной союзом молодежи работы, начатой ташкентской организацией.

Революция в кишлаке.

По воспоминаниям члена партии т. Ниязова и других и по документам пскентской ячейки КП(б)Уз).

Классовые взаимоотношения в кишлаке к моменту революции 1917 г. тов. Ниязовым в его воспоминании рисуются в таком виде.

В руках байства сосредотачивались и основной земельный фонд и значительные денежные средства. О мобилизации земельной собственности в руках байства по Пскенту красноречиво говорят следующие цифры: там имелось владеющих земельными участками свыше двухсот десятин 6 человек, свыше 100 десятин—13 человек и от 50 до 100 десятин—30 человек. Значительные кадры обезземеленного и обезземеливающегося дехканства при этих условиях попадали в феодально-крепостническую эксплоатацию байства. Чайрикер, каранда[2]) и батрак находились в полной зависимости от байства, всегда были у него в долгу. Наряду с экономическими формами закабаления через землю, воду, инвентарь, денежную ссуду, байство не брезгало и открытыми формами грабежа и насилия. В качестве такого примера тов. Ниязов рассказывает случай с его отцом.

Последний должен был одному баю 15 рублей. Перед смертью он передал сыну о том, что большая часть долга уплачена и что оставшаяся задолженность выражается только в 3 руб. 50 коп. А после смерти отца бай потребовал с т. Ниязова в уплату уже 32 руб. Когда же Ниязов отказался платить такую незаконную сумму, то бай передал дело в суд, где вопрос решили в пользу бая.

Аналогичные случаи наблюдались в кишлаке весьма часто. Вся местная власть—судьи, аксакал, пристав, волостной управитель и все мусульманское духовенство—в вопросах взаимоотношений бая с дехканством целиком и полностью были на стороне первого. Шариатом оправдывалась вся система эксплоатации дехканства и батраков. Налоговая политика велась также в интересах байства. Баи платили земельный налог с десятины в 10—20 раз меньше, чем бедняк. А с дехканства налоги взыскивались самыми свирепыми мерами. Экономически закабаленное байством и придавленное всем аппаратом власти над кишлаком, дехканство и батрачество с каждым годом попадало во все более тяжелый и безвыходный тупик, а мусульманское духовенство, сросшееся с экономически и политически господствующей верхушкой кишлака, направляло всю свою деятельность на то, чтобы держать низы в повиновении, всеми способами задерживать и затушевывать классовое самосознание дехканства. Всякое проявление недовольства со стороны эксплоатируемых масс кишлака господствующими группами подавлялось в их зародыше.

Начало первому широкому и стихийному классовому выступлению бедноты кишлака против политически и экономически господствующих над кишлаком групп положил 1916 год.

Чиновничество, духовенство и байство волости оказались сторонниками выполнения приказа о мобилизации на тыловые работы разверстанных на Пскент 25 человек. И вот здесь-то беднота кишлака впервые выступила открыто против байства и правительства. Были попытки придать этому движению организованный характер: устраивались митинги и шествия с лозунгами: «Рабочих не давать!» «А если будут брать силой, то убивать всю кишлачную власть». «Итти походом против той власти, которая первой выделит солдат». Ненависть бедноты против байства приняла особенно острые формы тогда, когда выяснилось, что баи на своих узких совещаниях наметили мобилизовать на тыловые работы только бедняцкие элементы. Во главе движения против мобилизации в Пскентской волости были бедняки. Середняцкий элемент кишлака частью шел за байством, а частью—с беднотой.

Разросшееся и захватившее целые районы движение было жестоко подавлено прибывшими войсками. Первое бедняцкое движение кишлака потерпело жестокий крах. Кишлак был «замирен». Активно принимавшие участие в восстании бедняцкие элементы поплатились своими головами.

Первые вести о февральской революции не вызвали в кишлаке никаких изменений. Все старые власти оставались на своих местах. Но интерес среди населения к политическим событиям значительно возрос. Дебатировались газетные известия, велись разговоры о желательности выбора царя из мусульман и об'единения вокруг халифата. Смена в кишлаке старых царских властей новыми произошла через месяц после свержения царя, в связи с приездом сюда из Ташкента делегатов, сообщивших населению о Временном правительстве и предполагаемом учредительном собрании. Эти сообщения вызвали некоторый под'ем, выразившийся в аресте дехканством царского пристава и выборе, по предложению ташкентского представителя, для управления волостью коллегии в 5 человек. Выбранными в пятерку оказались представители байства и в том числе прежний волостной управитель. Таким образом, власть в кишлаке оказалась в руках тех же господствующих групп, что и до революции.

Беднота, запуганная расправами 1916 г., в этот период никакой самостоятельной линии провести была не в состоянии и оказалась или пассивна или солидаризировалась с байством.

Первые случаи сдвига в сторону революционизирования масс бедноты произошли несколько позднее, в связи с усилением дороговизны и наступлением голода. Полученные из Ташкента продукты оказались распределенными между байством и духовенством. Дехканство ничего не получило. Это вызвало вспышку недовольства и брожения. Нарастающее недовольство кишлачных низов новой властью проявилось во время выборов в Учредительное Собрание активным выступлением нескольких человек бедняков против списка улемистов.

Байство и духовенство развернули в кишлаке широкую агитацию за список улемы. Свои доводы байство подкрепляло тем, что будто-бы весь Ташкент также голосует за улемистских кандидатов. Голосование четырьмя бедняками за список № 4 «Туртинчи» вызвало бешенную травлю этой четверки и со стороны духовенства, и байства, и наименее сознательной части дехканства.

Октябрьские события в Ташкенте не вызвали в кишлаке никаких изменений. Октябрь начался здесь позднее—только с осени 1918 года.

Власть после Октября находилась в руках исполкома, избранного еще до октябрьского переворота и состоящего в большинстве из баев и старой администрации. Бедняки в этом исполкоме были в меньшинстве и с ними там не считались.

Большевистская и эсеровская партии организовались здесь одновременно в конце сентября 1918 года. Начало организации положили пред-

ставители этих партий, приехавшие для этого из Ташкента. В большевистскую организацию сразу вступило около 55 человек, а в эсеровскую около 800. В эту последнюю наряду с дехканством вошла вся кишлачная буржуазия, духовенство и старое чиновничество. В большевистской же ячейке хотя и оказалось также несколько баев, но в основном она состояла из наиболее революционных элементов кишлака—середняка и бедноты.

Большевистская ячейка на первых же своих заседаниях 29—30 сентября 1918 г. постановила удалить из кишлачного и волостного исполкомов всех представителей буржуазии. Осуществить это решение удалось только после 2 ноября. К этому времени ком'ячейка выросла за счет бедноты, окрепла и повела усиленную борьбу с эссеровской организацией. 20 ноября ком'ячейка на своем собрании при участии более тысячи человек дехкан вынесла следующее постановление:

«Принимая во внимание: 1) постановление Областного Совета Народных Комиссаров от 14 октября с. г. за № 95, 2) ввиду того, что настоящее постановление Уездный Исполком не провел до сих пор в жизнь, 3) в состав членов новоизбранного Пскентского земельно-водного Комитета и на должность начальника милиции Пскентского участка вошли представители трудового класса из партии коммунистов большевиков, 4) невозможность планомерной работы на благо пролетариата с настоящим составом волостного Исполкома, как состоящего из представителей буржуазии и тормовящего к об'единению бедноты.

Постановили: Немедленно передать власть и все дела Исполкома лицам, выбранным согласно протокола от 29—30 сентября.

Для немедленного проведения в жизнь изложенного, просить начальника милиции оказать содействие, дав в распоряжение милиционеров»*).

Для руководства этим делом была назначена комиссия из 7 человек, которая при поддержке всей ячейки, вооруженной винтовками, серпами и пр. направилась к исполкому.

Разбежались все члены исполкома. С трудом были найдены заместитель председателя и судья, у которых были отобраны дела и переданы вновь выбранным представителям от компартии.

Этим актом власть в Пскенте оказалась в руках одних большевиков. Но в дальнейшем под влиянием того, что в Ташкенте у власти стояли обе партии, и здесь в кишлаке большевикам пришлось все же пойти на сотрудничество с левыми эсерами. Была организована совместная партийная дружина—по 25 человек от той и другой партии. Но чем дольше продолжалось сотрудничество, тем положение между партиями становилось все более обостренным. Кульминационный пункт нарастающего конфликта—январь 1919 года, период перед и во время Январьского восстания в Ташкенте. Постановлением от 3 января 1919 года байство кишлака было обложено миллионной контрибуцией—от 10 до 100 тысяч на человека. Часть контрибуции была собрана деньгами, а часть путем конфискации имущества. Неплательщики подвергались отправке в тюрьму в Ташкент.

Байство обжаловало эту контрибуцию в Ташкент, откуда была выслана новая комиссия по обложению, под председательством эсера. Комиссия приступила к разгону ком'ячейки, арестовав человек десять наиболее активных партийцев. Вмешательство высших инстанций партии большевиков и Турчека дало возможность освободить арестованных товарищей и подвергнуть аресту наиболее активных баев кишлака. Эсеровская дружина ответила на это вооруженным выступлением, в резуль-

---

*) Резолюция ячейки приводится без исправлений, в том виде, как она сохранилась в подлинном протоколе (материалы Истпарта).

тате чего произошла перестрелка с коммунистической дружиной. Все же сорвать арест баев эсерам не удалось.

Вторым, наиболее острым моментом, был период Осиповщины. Перед восстанием по кишлаку носились упорные слухи о том, что эсеры собираются разоружить и перебить всех большевиков. Особенно сильно распространялись слухи накануне восстания. Часть наименее сознательная отпала от ячейки и перешла даже в эсеровскую дружину. На сторону эсеров перешел и председатель волисполкома. Положение стало напряженным. 19 января, в день восстания в Ташкенте,—эсеры устроили заседание, по кишлаку выставили пикеты и начали переходить к действиям. В тот же день было созвано срочное заседание большевиков, на котором постановили об'явить кишлак на осадном положении: «После обсуждений и принимая во внимание серьезное положение, не терпящее никаких отлагательств и диктующее принятие чрезвычайных мер—впредь до получения инструкций из Ташкента, постановили:

1) Председателя волостного Исполкома за бездействие, мягкотелость отозвать от занимаемого поста. Исполкому предлагается принять все зависящие меры к поддерживанию власти и быть на высоте своего положения. Малейшее отступление будет рассматриваться, как предательство со всеми вытекающими отсюда последствиями.

2) Организовать военный отдел из 3-х лиц, каковому поручается провести в жизнь следующие мероприятия:

1. Всякие сборища, как под открытом небом, так и в помещениях воспрещаются

2. Появление на улицах после 7 часов вечера и до 6 часов утра воспрещается.

3. На указанное время должны быть закрыты все чайханы, ошханы и пр.

4. Всем лицам, имеющим холодное и огнестрельное оружие немедленно явиться с таковым для регистрации в военный отдел.

Неисполнение первого пункта влечет разгон сборищ оружием и арест зачинщиков.

Настоящее постановление немедленно принимается к неуклонному исполнению».*)

Это решение большевистской ячейки о передаче власти немедленно было пред'явлено эсерам. Заседавшие в это время в Исполкоме эсеры от передачи коммунистам власти отказались категорически. Тогда ком'-ячейка перешла к более решительным действиям. Эсеровская дружина была переловлена и обезоружена. Напряженная атмосфера в кишлаке закончилась 21 января, с получением из Ташкента известия о подавлении там восстания. Эсеры притихли.

После ликвидации эсеров ком'ячейка взялась за чистку контр-революционных элементов в своих рядах, за укрепление власти и усиление мощи бедноты кишлака.

Протоколом от 7 февраля 1919 г. ячейка постановляет: «Ввиду явного соглашательства с буржуазией, провокаторами и бездействия власти, а также неподчинения партийной дисциплине, исключить из членов партии и отвести от занимаемых постов в волисполкоме Аулисаханова и Касымджанова».

Не менее чутко ячейка отнеслась к надвигающейся внешней и внутренней контр-революции. Постановлением от 7 февраля ячейка решает: «принимая во внимание тревожное время в связи с грабежами шаек Иргаша и выступлением контр-революционных банд, организовать партийную дружину из 52 человек».

---

*) Протокол Пскентской ячейки (там же).

Ком‘ячейка включает в состав дружины опять представителей левых эсеров, но обеспечивает в ней коммунистическое руководство в лице коммунистического большинства штаба.

По протоколу от 20 февраля видно, что ячейка переходит к решительным мерам по отношению к контр-революционным элементам: «ввиду того что буржуазия и приспешники, руководимые Джанартом Аумахановым и Мусой Камджановым, не желают подчиниться нашей партии, не сдают своих постов в волостном исполкоме и этим самым являются активными врагами советской власти, что нетерпимо для лиц, стоящих у власти и пользующихся своим положением, бунтуют массы, в корне подрывая престиж власти, и, принимая во внимание осадное положение с вытекающими отсюда последствиями,—немедленно обратиться за вооруженной силой к Ходжентскому отряду и отряду т. Иванова, для принятия репрессивных мер по отношению указанных лиц, а также и действующих за одно с ними контр-революционных элементов» (идет список на 19 человек).

«Всех вышеупомянутых лиц немедленно подвергнуть аресту с преданием военно-революционному суду».

«Нашим представителям, выбранным на предыдущих собраниях, еще раз выражаем полное доверие, как истинным защитникам беднейшего класса и все дело доверяем им—строительство нашей социальной жизни».

Поручение-наказ, данный ком‘ячейкой избранным на уездный с‘езд представителям, также подчеркивал остроту классовой борьбы в кишлаке.

Делегатам поручалось осветить перед с‘ездом тяжелое положение пскентской бедноты и непрекращающуюся антисоветскую деятельность местной буржуазии.

Апрельские протоколы ком‘ячейки свидетельствуют, что к этому времени основное место в работе ячейки занимают вопросы экономические: хозяйственное обезоруживание буржуазии и забота об улучшении положения бедноты.

Ряд постановлений ячейки этого периода говорят и о распределении среди бедноты денежных кредитов, и ревизии находящегося в Пскенте отделения банка, и национализации садов байства.

Такова в основном история Октября в Пскентском кишлаке. Октябрьская российская революция, уничтожившая власть буржуазии и помещиков, явилась могучим рычагом, способствующим более быстрому классовому пробуждению кишлачной бедноты и ее выступлению на борьбу с местными эксплоататорскими классами. История революции в Пскенте показывает, что классовые противоречия в кишлаке накануне Октября проявлялись временами, как, например, в 1916 году, уже довольно остро. Но окончательно развязать их в кишлаке смогла только октябрьская победа российского пролетариата. Поэтому-то Октябрь в кишлаке произошел на целый год позднее Октября общероссийского.

К концу 1919 года дехканство и беднота кишлака, под руководством парторганизации, начала выбивать из под ног байства его экономическую и политическую эксплоататорскую опору и перешла к первым мероприятиям по закладыванию основ для перехода кишлака на социалистический путь своего дальнейшего развития.

Кирилл Литвишко.

Первая подпольная социал-демократическая типография в Ташкенте.

События 9 января 1905 г. всколыхнули массу рабочих Ташкента. На нашей организации это отозвалось сильным притоком новых людей.

Гектограф уже не мог справиться с работой (печатание разных листовок и т. д.). Организация начала подумывать о создании настоящей типографии. Было созвано несколько совещаний, на которых присутствовали т. т. Вас. Дм. Корнюшин (кличка «Бабушка», большевик), Василий Федоров (с. р.*) и автор этих строк. Решили организовать типографию. На меня возложили техническую работу. Я пригласил т. И. Т. Романова (жестянщика Оренб. ж.-д. мастерских—с. д.) для отливки шрифтов. Шрифт отлили, но он вышел очень грубым, неясным. Работать им было невозможно.

После обсуждения, решили повести работу среди наборщиков ташкентских типографий. Завербовали нескольких товарищей, которые выкрадывали шрифт и необходимые принадлежности, вплоть до верстаток. Чтобы ускорить дело, пришлось ночью выломать окно в типографии Порцева и похитить целую кассу шрифтов (около 2 пудов). Деятельное участие в этой «операции» принял тов. Андрей Линяев и другие. Шрифт доставили на мою квартиру.

Мне поручили технику, а я собственно и типографии никогда не видел. Пришлось ломать голову, как установить типографию, как пустить работу.

Обратился к типографским рабочим за раз'яснением. Устроили нечто похожее на корректурный станок. Привлек кладовщика Оренб. ж.-д. мастерских т. Фалалеева, который выдал мне для типографии меди. Он не был посвящен в дело, но, вероятно, догадывался, что мы задумали. Литейщик тов. Захаров отливал тисковый вал по модели, а токарь—тов. Ерохин точил вал и на строгальном станке оборудовал параллели прижимные болты (зажимные шурупы).

Мастиковый валик для первой типографии приготовили дома, так как похитить его не удавалось. Рецепт приготовления мастики добыли у заведующего типографией штаба, через денщика, похитившего нам книгу—«Руководство типографского дела».

Предварительная работа еще не была закончена, как меня арестовали (в августе 1905 г.)**)

Типография сохранилась, она была хорошо зарыта, и жандармы ее не нашли.

---

*) Это говорит о том, что СД и СР организовывали одну общую типографию. *Ред.*

**) Донесла в полицию жена одного рабочего, поссорившись с мужем. *Ред.*

Место быв. ташкентской с.-д. подпольной типографии на быв. Никифоровских землях (вблизи сел. Луначарского) и тов. Литвишко—организатор этой типографии.

После манифеста 17-го октября я был выпущен на свободу. Типографию сейчас же пустили в ход, сперва в кв. Казаковых, а затем—на даче садовника Иванова, за кладбищем. Все прокламации, выпущенные социал-демократами после октября 1905 г., вышли из этой типографии. В работе принимал участие с.-д. т. Буханский (студент Томск. политехникума), Ив. Ив. Бельков и Аршак Зурабов.

Охотников работать было так много, что мне приходилось только наблюдать. Ответственным наборщиком был тов. Линяев.

С наступлением реакции работать стало труднее и с.-д. комитет поручил мне переменить помещение типографии. В декабре же я снял специальную квартиру на Касьяновской улице, где и поместили тов. Линяева с типографией. Работали там около месяца. Потом узнали через кума литейщика Захарова, одного благожелательного к нам городового, что за нами следят и мы перевезли типографию в сельско-хозяйственный склад (на Мариинскую ул.) к с.-д. Долинину и закопали в заброшенном пустом колодце. Затем решили выехать за город. Вблизи кожзавода (на Кара-су), у сестры Долинина, на имя подставного лица—дорожного мастера Я. И. Бабак (с.-д.), сняли дачу, поселились: Литвишко, Линяев и Бабак.

Для типографии мною заранее была вырыта пещера: взяв вход величиной с окно, я прорыл 2½ аршина вглубь; затем, взял 12 вершков в сторону, отрыл вниз 3—4 ступеньки и после этого уже вырыл подземную комнату, величиной около кубической сажени. Пещера была замаскирована коровником*)

Впрочем, за отсутствием вентиляции этого подземелья использовать полностью не удавалось и работа в большей мере производилась на квартире.

Во время ареста и обыска, полиция, несмотря на донос, так и не смогла раскрыть пещеры.

В этой типографии работали вплоть до ареста ее (с января до 9 мая 1906 г.) по доносу сапера М. Мирошниченко.

За этот же период была подготовлена техника для другой большей типографии, с выпуском изданий форматом в газетный лист.

Организации этой последней типографии лично содействовал инженер Толочко, к которому обращались за изготовлением необходимых частей типографии в ж.-д. мастерских.

Условились наметить необходимых для работы товарищей и во внерабочее время сделать необходимое. Со своей стороны инженер должен был следить за тем, чтобы в мастерских во время наших работ никого из посторонних не было.

Изготовили плиту, вал и другие части из казенного материала, а шрифт для этой типографии согласился выписать, якобы для своей маленькой типографии, один мастер по каучуку.

При моем аресте полиция этого шрифта не нашла. Его успела передать моя жена Белькову (Бурш); она положила шрифт в детскую коляску, а сверху посадила детей и повезла в Ташкент.

По дороге рессоры сели и коляска поломалась, однако, шрифт все же был благополучно вывезен с дачи Долининой.

*) Пещера восстановлена Музреволюции. *Ред.*

Ниже печатаем прокламацию, выпущенную РСДРП в связи с арестом типографии в мае 1906 г. и переизданную Ср.-Аз. Музеем Революции.

Ред.

СОЮЗ ТУРКЕСТАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ Р. С. Д. Р. П.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи и граждане! 9 мая ташкентской полицией арестована тайная типография Союза Туркестанских организаций Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии.

В продолжение шести месяцев искали ее туркестанские царские опричники. Они не щадили ничего, лишь бы лишить вас свободного слова, лишь бы вы не слыхали слова «Правды», от которого у царских палачей трясутся окровавленные руки. Но «Правда» недоступна была для них.

Тогда щедрой рукой стали они раздавать награды всем, кто во славу насильников и угнетателей пытался найти того Иуду Искариотского, который бы продал им «Правду» за 1000 серебренников.

Долго они искали Иуду, искали и днем и ночью, потому что «Правда» не давала им спокойно спать, в особенности после того, как она проникла за крепостные валы и разоблачила суд палачей над борцами за народную свободу. Палачи-судьи побоялись «Правды». Они должны были открыть двери суда

Опричники переполошились, они стали усиленно искать предателя «Правды» и нашли его.

Палачи торжествуют, они уверены, что свободное слово заглохнет, не будет слышно могучего протеста «Правды». Но ошибаются насильники—они арестовали технику «Правды», но не самую «Правду».

Товарищи и граждане! «Правда» приступает к сооружению новой большой техники свободного слова. Вы должны поддержать ее, подобно тому, как она поддерживает вас везде и всюду, она стоит на страже ваших интересов, она борется с вашими врагами, поэтому вы должны стоять на страже «Правды», вы должны бороться за нее.

Товарищи и граждане! Жертвуйте в пользу техники «Правды» кто чем может.

Май 1906 г

Союзный комитет.

Типография Ташкентской Организации Р. С. Д. Р. П.

Библиография.

«Революционное движение в Средней Азии в образах и картинах». САКУ им. Ленина, Научно-Краеведческий Кружок, издат. САКУ, 1928 г.

Сначала несколько справок из истории этого издания. Как сейчас выяснилось, «Научно-Краеведческий Кружок» выставлен на первой странице альбома только для марки. На самом же деле он ни в составлении альбома, ни в его редактировании никакого участия не принимал. Альбом составлен и редактирован бывшим ректором САКУ Меницким-Рамзиным. Коллективной подготовки альбома не было. Понятно поэтому, что все недочеты и ошибки в альбоме приходится отнести за счет его составителя и редактора, несправившегося со своей задачей и в силу, очевидно, недостаточно серьезного отношения к этой работе и некомпетентности в ряде вопросов революционного движения Средней Азии.

К этому еще необходимо добавить, что Истпарт Средазбюро ЦК ВКП (б), в свое время ознакомившись с проспектом альбома, частью уже выполненных тогда картин и весьма высокой ценой на него, считал нецелесообразным его издать и от участия в этом издании отказался.

Великолепная идея издания альбома революционного движения, потребность в котором сильно чувствуется, не оправдала себя.

Разбор недостатков альбома начнем с его целевой установки. Казалось бы, название альбома: «революционное движение» ясно и четко определяет и его содержание, и его рамки. На деле же этого нет. Альбом загроможден значительным количеством неотносящегося непосредственно к революционному движению и этнографического, и бытового, и общеисторического материала. Особенно сильно страдают в этом отношении первые три отдела альбома, но много лишнего и во всех последующих отделах.

В непосредственной связи с целевой установкой альбома стоит его идеологическая выдержанность. Это самая слабая его сторона. По этой линии редактор альбома грешен больше всего.

Положение рабочих и дехкан края отражено в альбоме весьма слабо. А взамен этого преобладают нетрудовые, эксплоататорские типы: баи, правители, чиновники, царские генералы, эмирские семьи. Так, в отделе 1-м мы имеем такие картины, как знатный таранчинец, семья богатого бухарского еврея, богатого дунгана, текинский офицер, дивона.

В отделе III помещены генерал-губернаторы—Черняев, Кауфман и волостной управитель. Отдел—Революция в Средней Азии открывается портретом ген. Куропаткина. И далее мы имеем: эмир со своими приближенными (и даже слоном), хивинец из высшего общества, хивинский хан со своими приближенными. В отделах X и XI находим: танцующие бачи, дутаристы, флейтисты, бухарские баи—бобо, хивинец из высшего общества, хивинец музыкант, хивинец в охотничьем костюме. Вместо того, чтобы дать картины беспросветной эксплоатации широких дехканских масс, рабочих, батрачества коренными и российскими правящими классами, картины феодальной и торгово-ростовщической эксплоатации трудящихся масс, дать широкую картину движущих сил революции, тех,

кто выстрадал революцию и вынес ее на своих плечах, автор альбома преподносит совсем другое—тех, кто был выброшен этой революцией в мусорный ящик истории. И воспитывать широкие трудящиеся массы, нашу молодежь на созерцании благоденствия кучки знатных и их прислужников, это значит смазывать основы революции, стимулы и содержание классовой борьбы. Прием по меньшей мере вредный, чтобы не сказать сильнее. Дальше. Политической безграмотностью и бестактностью является помещение во II отделе картин художника Верещагина «Убирайся к черту» и «Тоже завоеватели». Сугубо колонизаторские и националистические по своему содержанию, данные безо всяких примечаний, в массовом альбоме они могут послужить не прояснению классового сознания, а черносотенной агитации. Дело в том, что классовая сущность колониальной политики царизма этими картинами совершенно затушевывается.

Загнанный царизмом в Туркестан русский солдат и крестьянин выставлен на картине в роли «идейного» завоевателя. Вскрыть в альбоме причины завоевания царизмом Туркестана надо, но не утрировано, без замазывания классовой природы этого завоевания и без искажения национальных моментов борьбы.

Вторая линия идеологической невыдержанности альбома—центр тяжести в революции переносится на разрушение, а не на созидательную деятельность. Восстановительный, творческий процесс революции, ее достижения в этом направлении в загоне. Картины разрушенных кишлаков, станций, городов пестрят повсюду, зачастую без об'яснения виновников разрушения. Например, на картине «Бухара после победы 1920 г.» показаны развалины Бухары. Вместо положительнейших достижений революции дается только картина разрушения, что может служить поводом к любой злостной агитации против сов. власти. В отделе «Сов. строительство» мы имеем такие картины как «в'езд инструктора всерабземлеса на профработу» (на ишаке!?) и «изучение корана» в старометодной школе. Первая из них вызывает просто смех, помещена по недоразумению, а вторая о советизации школы говорит только отрицательным языком. Никаких об'яснительных примечаний и табличек, сопоставляющих старые школы с ростом школ советских—нет. В отделе I есть картина «заседание кишлачного совета». Картина, в кривом зеркале отражающая совстроительство и дискредитирующая советизацию Ср. Азии. Это не кишлачный совет, а скорее лишенных прав выбора баев, кулаков, мин-башей, мин-аксакалов и им подобных. Подлинно кишлачным советом от картины даже и не пахнет. Правда, в альбоме есть и ряд картин, отражающих действительный процесс революционной созидательной работы, но их недостаточно.

Третья сторона, отражающая идеологическую невыдержанность альбома—это вопрос о расстановке и движении классовых сил революции, как они даны в отделе IV на схеме «главнейшие революционные события в Туркестане». На схеме три линии движения. 1) Восстание в воинских частях. 2) Отдельные действия боевых парт'организаций (эсеровских целиком). 3) Восстания 98 и 16 г.г. Во-первых, здесь совершенно обойдена партия и ее роль в подготовке революции. И, следовательно, установка грешит полным искажением действительности. Во-вторых, не отведено никакого значения рабочему движению в 1905 году, здесь широко развернувшемуся. Джадидское движение из схемы также выпало. Наконец, нет никакого даже намека на влияние на революцию в Туркестане российского революционного движения. Схема не закончена (доведено до 17 года), путана, неверна, расстановку классовых сил совершенно искажает.

Таким образом, идеологическая сторона альбома хромает по всем линиям. И в этом его главная беда, основной недостаток.

В заключение остановимся на второстепенных недочетах и ошибках альбома. В 1-ой главе в основные национальные типы Средней Азии включены пять индусов. Факт грубой и недопустимой географической неграмотности. В той же главе даны две узбекские девушки с надписями под ними: одна «с паранджой», а другая «без паранджи». В действительности—обе под паранджой. Лишь у одной снят чачван. Мягко выражаясь, здесь неточность, запутывающая бытовые вопросы Средней Азии. В отделении VI имеется схема джадидской организации Средней Азии. Почему-то джадидский орган Коканда здесь пропущен. И до февральской, и после февральской революции здесь были и джадидские газеты, и новометодные школы, и джадидские литературно-художественные кружки, и книжные товарищества. Не отмечено джадидское движение и в некоторых других городах Ферганы. Здесь, очевидно, сказался факт недостаточной исторической грамотности автора альбома.

Джизакское восстание помещать в альбоме совсем бы не следовало: художник вооружил дехкана русскими косами и серпами, совершенно не употребляющимися в джизакском районе.

В отделе VIII дана картина «контр-революционное правительство Коканда». На самом же деле это с'езд союза трудящихся мусульман в 1919 году в Коканде. Из этого союза вышли многие наши теперешние партийные работники, теперь ответственные руководители ряда советских и партийных организаций края. А автор альбома зачислил их в разряд Чокаевых и других белогвардейцев.

Таковы основные ошибки и извращения альбома. Об опечатках и мелких неточностях и ошибках не говорим, по ним издательство дало вкладной лист.

Напрашивается, естественно, вопрос, можно ли этот альбом с таким количеством извращений, ошибок и недочетов использовать? Дело в том, что до сих пор ни одного наглядного пособия по истории революционного движения партии в Средней Азии не имеется. А нужда в таких пособиях ощущается большая. В альбоме этом все-таки имеется приблизительно около $1/3$ значительно ценных картин и монтажей, дающих наглядное представление о ряде моментов и фактов революционного движения. Такой материал нужно использовать. При чем всем использующим альбом необходимо руководствоваться изложенными в настоящей статье критическими замечаниями, и по линии целевой его установки, и идеологической стороны, и отдельных фактических ошибок.

П. и Г.

☞ **Жозеф Кастанье—«басмачи»**. «Национальное движение туземцев в Центральной Азии с Октябрьской революции до октября 1924 года». Париж 1925 г.

Приложения: карта района басмаческого движения и 5 фотоснимков в тексте.

Joseph Castanié—«Les Basmatchis». Le mouvement national des indigénes d'AsieCentrale depuis la revolution d'octobre 1917 jusqu'en octobre 1924. Paris 1925. 88 стр.

Из первого выпуска 1926 г. «Известия Сред.-Аз.Ком. Стариса» мы узнаем, что Кастанье накануне войны подвизался в Ташкенте на поприще археологических исследований и даже работал над составлением археологической карты Средней Азии*). Его дальнейшая контр-революционная деятельность

И. А. Кастанье был сотрудником Туркомстариса в 1920—21 г. г., после чего уехал к себе на родину во Францию.

и несомненная связь с английскими агентами дают возможность допустить. что «этот французик из Бордо» мог изучать и составлять «карту Средней Азии» и под другим не «археологическим» углом зрения.

Не случайно, при раскрытии заговора осенью 1918 года ВЧК хотело арестовать Кастанье.

Это свое злоключение Кастанье так описывал: «В сентябре мне был предъявлен ордер об аресте. Будучи заблаговременно предупрежден, я успел бежать» (25 стр.).

Ташкентские старожилы, знавшие Кастанье лично, говорят, что он удрал в Киргизию, затем опять вернулся в Ташкент и уехал вместе с военнопленными во Францию. Такова политическая физиономия автора, которая местами ярко отражена в книге.

По своему содержанию наиболее интересна первая часть, в которой автор дает описание антисоветских организаций в Туркестане, как непосредственный участник их деятельности.

До 1918 года включительно Кастанье дает описание событиям, как обитатель Ташкента и участник анти-советского движения. Сведения о последующих событиях в Средней Азии и басмаческом движении он черпает исключительно из русских газет, как советских, так и зарубежных—белогвардейских.

Наряду с цитатами из наших центральных газет—«Правда», «Известия ЦИК», везде пестрят ссылки на такие «источники», как: «Руль», «Последние Новости», «Общее дело», «Дни» и друг.

Разумеется, что в тех случаях, когда автор базирует свою «историческую премудрость» на этих белогвардейских «источниках», события отражены сквозь призму белогвардейского кривого зеркала.

После этих предварительных замечаний перейдем к оценке содержания книги.

В введении Кастанье дает краткую характеристику дореволюционным движениям среди туземного населения.

Касаясь «Андижанского восстания» в 1898 году, Кастанье так характеризует вождя восстания Дукчи-Ишана: «Убежденный патриот был способен на жертвы. Опечаленный распущенностью нравов и религии своих сограждан благодаря русским, Мадали проникся идеей—организации серии восстаний против угнетателей Ферганы и всего Туркестана, с целью восстановления прежних мусульманских порядков («rétablir le regime musulman d'autrefois»). Он был поддержан в своих проектах со стороны некоторых туземцев, которые играли известную роль в эпоху Кокандского ханства» (6-я стр.).

Далее Кастанье приводит слова ишана: «Русские к нам относятся хорошо. Мусульмане становятся богатыми, но за все это мы платим дорого, так как уходит мусульманская душа. Тело наслаждается, но душа погибает. Это голос неба, который мне подсказал действовать, чтобы спасти мусульман от этого предательского благополучия, которое обозначает конец царства Магомета и его законов» (7-я стр.).

Среди суеверных масс ишан пользовался светским авторитетом и духовным влиянием. «Народное воображение долго не хотело верить в смерть ишана» (7-я стр.).

Описав кратко ход восстания, Кастанье делает следующий вывод:

«Анонимные письма туземцев», предупреждающих русских об опасности (восстания), опоздалые доносы двух туземцев, одного из Оша, другого из самой резиденции ишана Мин-Тепе, ублюдочное развитие восстания, оказавшееся в большом контрасте с планами вождей, легкость, с которой туземцы взяли на себя функции палачей во время казни важнейших повстан-

цев,—все это подтверждает, что в то время в туземных массах не было глубокой вражды к завоевателям» (8-я стр.).

Этот вывод Кастанье в отношении Андижанского восстания не далек от действительности.

Несомненно, что восстание субъективно, по своей аргументации против владычества русских, по своим исламистским лозунгам и идеологии вождей, было реакционным движением, направленным против русского капитала, подрывавшего прежние устои феодализма, патриархального быта, религии и примитивного хозяйства. Это было движение разоренных и жестоко эксплоатируемых русским торгово-ростовщическим капиталом дехканских масс Ферганской долины, организационно и идейно находившихся во власти феодальной аристократии и духовенства, которые хотели использовать его в своих классовых интересах.

Объективно это восстание было революционно, поскольку оно дезорганизовало царскую колониальную политику и подрывало устои самой царистской системы.

Описав, таким образом, Андижанское восстание, Кастанье делает следующее весьма смелое утверждение: «Снова царило спокойствие до мировой войны» (8-я стр.).

Касаясь событий 1916 г., автор дает следующее оригинальное объяснение причин движения—«Прибытие в Туркестан военно-пленных немцев и австрийцев послужило сигналом к новому национальному пробуждению. Контакт военно-пленных с туземным населением означал интенсификацию анти-русской пропаганды. Эта пропаганда и мобилизация туземцев на тыловые работы европейского фронта привели к Джизакскому восстанию 14-VII—1916 г.» (8-я стр.).

Понятно, что это слишком плоское и одностороннее объяснение причин восстания туземцев 1916 г.

Для идеалистов-буржуа во всем виноваты зловредные немцы со своей пропагандой, также как теперь злокозненные большевистские агитаторы повинны в революционном движении во Франции.

Колониальный гнет туземцев, отнятие у киргиз лучших земель для русских переселенцев и классовая борьба внутри самого туземного общества для Кастанье не существуют.

После этой вводной части книги автор переходит непосредственно к событиям революционного периода, к характеристике антисоветских организаций и движений в Туркестане.

Кастанье считает, что декларация «большевистского правительства» о самоопределении наций включительно до отделения развязало стихию националистического движения туземцев. Описание контр-революционных движений Кастанье начинает с чарджуйских событий.

В декабре 1917 г. вспыхивает контр-революционное движение в Чарджуе. Казачьи отряды, возвращаясь из Хивы и Персии под командой полковника Зайцева, свергают большевистское правительство и с помощью туземцев «устанавливают временное правительство Туркестана» (11-я стр.).

Это послужило сигналом к контр-революционному движению во всем Туркестане. «Контр-революционное движение русских, опирающихся на туземные басмаческие банды, бросает беспокойство в умы» (12-я стр.).

Эти сведения Кастанье о чарджуйских событиях нуждаются в исторической проверке.

Здесь же находим характеристику басмаческих шаек и их сотрудничество с белогвардейцами.

«Первоначально эти басмаческие банды представляли собою сброд уголовников, которых освободило временное правительство из больших тюрем» (12-я стр.).

В конце 1917 г. появляется Иргаш, Мадамин-бек и друг. с отрядами от 30 до 100 джигитов.

«Несмотря на преследование различных целей, русские контр-революционеры и басмачи иногда об‘единялись для свержения советской власти. Это дает возможность рассматривать анти-советское движение в Туркестане в двух различных направлениях: с одной стороны анти-большевистское движение белых, возглавляемое офицерами старой царской армии; с другой— туземное национальное движение мусульманских элементов, под руководством басмаческих вожаков или старых туземных офицеров» (12 стр.).

«Эти две силы действовали иногда совместно, иногда отдельно, имея свою собственную организацию, своих приверженцев и своих начальников» (12 стр.).

Говоря о различии целей, преследуемых этими двумя контр-революционными лагерями, автор упускает наличие совпадения классовых интересов русской и туземной буржуазии, одинаково боящихся социальной революции, потерь классовых преимуществ и социалистического строительства. Перед угрозой социальной революции оба контр-революционные течения часто даже организационно сливались воедино как, например, союз кулацко-крестьянской армии Монстрова с Мадамин-беком.

Возвращаясь к чарджуйским событиям, автор сообщает, что после установления в Чарджуе двух правительств, русского (белогвардейского) и туземного, казаки, оставив власть туземцам, направились по домам и по пути свергли советскую власть в Самарканде. Колузаев со своим отрядом разгромил казаков и восстановил советскую власть.

Касаясь Кокандской автономии, организовавшейся 11 декабря 1917 года, Кастанье пишет: «Кокандское автономное правительство, опасаясь угрозы большевиков, начало переговоры с басмачами. Взывая к национальному чувству всех и каждого, временное Кокандское правительство пригласило их к себе на службу, создав, таким образом, ядро национальной армии. Титул курбаши, употребляемый когда-то при ханах, был опять установлен для главнейших вождей басмаческих отрядов» (14 стр.);

«Иргаш первый откликнулся на этот призыв: бандит большой дороги, когда-то осужденный к заключению, собрал внушительную банду, организованную из профессиональных воров и туземных крестьян, которых голод и экономическая разруха толкали в банду Иргаша» (14 стр.).

«Главари прежних разбойников теперь уже действуют от имени населения, сражаясь за национальную идею. Они теперь представляются героями великого дела, басмачи становятся муджтехидами, т.-е. героями, ведущими священную войну «джихад» (15 стр.).

Здесь нужно оговорить положение Кастанье о «национальной идее» басмачей.

Немало басмаческих шаек, укомплектованных из воров и разбойников, оперировало, грабя дехкан и вырезая русских, руководствуясь инстинктом легкой наживы и грабежа. Туманная национально-исламская идеология служила лишь ширмой для оправдания разбоев и насилия.

Что касается кокандских автономистов, то Кастанье верно утверждает, что они «опасались угрозы большевиков».

Кокандские автономисты, как и аллаш-ординцы, непрочь были сотрудничать с русскими белогвардейцами. Они рьяно выступали против большевиков, как носителей социальной революции, которой туземная буржуазия инстинктивно боялась.

Для кокандских националистов борьба с большевиками и красной армией означала не столько национальную, сколько классовую борьбу. Эта была борьба за буржуазный путь развития Туркестана, против социальной революции.

В пункте—«Туземные элементы в белогвардейских организациях», Кастанье, впервые после мемуаров полковника Зайцева, дает ряд интересных сведений о роли агентов английского империализма в Туркестане в годы гражданской войны. Оба белогвардейца: один в Соловках, другой в Париже, подтверждают друг друга в своих описаниях контр-революционных деяний агентов антанты в Центральной Азии.

Дав краткое описание Колесовскому походу на Бухару 10-го марта 1918 г., Кастанье заявляет, что к этому времени начинается сильное контрреволюционное движение во всем Туркестане. Важнейшими центрами этого движения становятся: Асхабад, Хива, Бухара, Самарканд, Коканд, Андижан, Скобелев, Аулиэ-ата и другие (20 стр.).

Первоначально во главе этого движения стоял генерал Джунковский, обсуждавший с английскими агентами договор на нижеследующих условиях:

«1. Английское правительство обязуется предоставить свою помощь в борьбе против большевиков оружием, деньгами, техническими средствами, а в случае нужды людьми. После свержения советской власти в Туркестане будет образована автономная республика, под исключительным английским влиянием».

«Кроме того, было словесное обещание главаря анти-советских организаций передать Туркестан под английский протекторат сроком на 55 лет (20—21 стр.).

Англичане, ввиде аванса, предложили белогвардейским организациям: сто миллионов рублей, 16 горных орудий, 40 пулеметов и достаточное количество винтовок, для вооружения повстанцев» (21 стр.).

Далее Кастанье пишет, что «усиленная этой поддержкой, ташкентская анти-большевистская организация вошла в переговоры с некоторыми влиятельными туземцами Ташкента и начала вести переговоры с главарями басмачей—Иргашем, Ишматом и др. Эти переговоры имели место в сентябре 1918 года. В примечании к 20 стр. Кастанье указывает, что—«наибольшая активность этой организации совпадает с прибытием в Ташкент 17 августа 1918 года полковника Баилей, капитана Блякер индийской армии, генерального британского консула в Кашгаре Сэра Джоржа Макартней. Им была поручена специальная миссия в отношении местных властей».

Белогвардейско-английская организация в сентябре 1918 г. вошла в сделку с басмачами об организации единого похода против советской власти в Туркестане.

По этому соглашению Иргаш и Ишмат переходят на службу к антибольшевистской ташкентской организации, за что получают снабжение продовольствием, деньгами и военной аммуницией (21 стр.).

«После заключения этого соглашения полковник Зайцев был командирован в Фергану в качестве начальника штаба формирующейся белогвардейской армии. Устанавливается связь между английским консулом в Кашгаре М. С. Эссертоном и полковником Зайцевым» (22 стр.).

Одновременно с Зайцевым в Фергану прибыл казачий есаул Юдин, в качестве представителя от дутовской армии. Он был прислан Дутовым—предложить проект договора об организации «Восточной конфедерации» («Confederation orientale»), в состав коей входили также и оренбургские казаки (22 стр.).

Полковник Зайцев в своих мемуарах, помещенных в журнале «Соловецкие Острова» № 4—1926г., эту «Восточную конфедерацию» называет **«Юго-Восточным Российским Союзом»** и пишет о нем следующее:

«В состав Союза было предложено включить следующие области казачьих войск: Оренбургскую, Уральскую, Сибирскую, Семиреченскую, Астраханскую и Аму-Дарьинскую, территории Башкиристана, ныне Баш-

кирская АССР, Казакстана, ныне Киргизская АССР, Туркестана (области— Сыр-Дарьинскую, Самаркандскую, Ферганскую, Закаспийскую и Семиреченскую), автономные ханства Бухары и Хивы.

«Предположено было в будущем включить в состав Союза казачьи войска Кубанское и Терское, чтобы, как говорилось в объяснительной записке, получить свободный доступ к открытому морю и иметь на территории Союза разнообразные природные богатства, чем достигалась бы экономическая независимость нового государственного образования».

По проекту англичан этот колоссальный буфер, возглавляемый белогвардейским правительством, должен был служить плотиной, ограждающей средне-азиатские владения Англии от революционного влияния на них советской России. Здесь видно опять-таки стремление Англии—расчленить Россию. Английские империалисты боятся не только советской России, но и реальной России.

В данном случае Кастанье подтверждает сведения Зайцева о гигантских контр-революционных и империалистических планах английского империализма на советском Востоке.

Далее Кастанье пишет, что—«от имени мусульманского населения Ферганы и Сыр-Дарьи баш-курбаши, ишаны и влиятельные вожаки басмачества подписали этот договор (о конфедерации К. В.), который сейчас же был послан эмиру Бухарскому с просьбой о поддержке. Эмир принял этот договор, обязался оказать свою поддержку контр-революционному движению, при условии гарантии против наступления Красной армии на территорию Бухары» (22 стр.).

Вкратце автор дает хронику событий в Закаспии 1918 г. Видно, что закаспийские события являются частью общего английского плана: окружить Туркестан с севера и юга контр-революционными армиями (Оренбургский и Закаспийский фронты), одновременно с восстанием белогвардейских «очагов борьбы» в крупнейших городах, как Ташкента, Скобелева, Коканда и др., двинуть басмаческие орды с Ферганской долины на Ташкент, для свержения советской власти и создания пресловутой «Восточной конфедерации», находящейся под английским протекторатом.

Это видно из следующих слов Кастанье: «В то время, как развивались события в Закаспии, ташкентская секретная организация полковника Зайцева пыталась развить большую активность. Были посланы агитаторы даже в киргизские аулы, с целью бросить их против большевиков. Чтобы лучше приготовить восстание в октябре 1918 г. в армию Дутова и район Оренбурга был послан лейтенант Папетхут» (24 стр.).

Здесь уместно заметить, что полковник Зайцев в своих вышеуказанных мемуарах тоже говорил, что «ташкентская военная организация находилась в сношениях с партией улема в Ташкенте и с казакской Алаш-ордой.

Все эти дьявольские белогвардейско-английские планы были разрушены Красной армией и благодаря бдительности ВЧК, которая своевременно раскрыла и расстреляла заговорщиков.

Кастанье жалуется, что после раскрытия заговора начались гонения на иностранно-подданных государств Антанты.

Кастанье, говоря о своем бегстве от ненавистного ВЧК, упоминает, что «английский майор Байлей, французский агент связи Кардевил последовали моему примеру» (25 стр.).

Здесь характерно отметить, что из слов Кастанье явствует, что в «военной туркестанской организации» действовали не только англичане, но также сотрудничали и французские офицеры.

Далее автор пишет, что после разгрома заговорщиков в Ташкенте Красной Армии был отдан приказ занять горные проходы, отделяющие Фергану от Сыр-Дарьинской провинции, с целью изолирования басмачей от белогвардейцев Ташкента» (25 стр.).

Затем Кастанье, ссылаясь на отчеты судебного процесса полковника Корнилова, помещенные в белогвардейской русской газете «Общее дело» от 18-VI—21 г., делает следующее заключение: «Как следует из обвинительного акта, ташкентская секретная организация имела целью: свергнуть вооруженным путем при помощи английских капиталов советскую власть в Туркестане. Сверх того, организация надеялась передать власть в Туркестане в руки английских империалистов» (25 стр.).

На Осиповском восстании Кастанье останавливается очень мало и ничего нового для нас не дает.

Вторая часть книги посвящена —«Энверовской эпопее».

В начале автор дает обще-известные биографические данные об Энвере, начиная с младо-турецкой революции в 1908 г. и кончая его выступлением на «съезде народов Востока» в Баку в 1920 году. Эта часть книги тоже не представляет собою особого интереса. Можно здесь привести лишь характерное объяснение Кастанье идеологии Энвера: «Чтобы понять энверовскую эпопею надо представить себе среду, которая ей благоприятствовала. Рожденный турком, он не забыл происхождения своих предков. Большевистские события дали возможность ему надеяться на близкое освобождение стран турко-татарской расы, подчиненных Москве силою оружия.

«Обещанная автономия, до независимости включительно, наполнила радостью народы Центральной Азии, чуждые большевистским концепциям по языку, религии, расе и обычаям. Энвером «независимость» понималась как освобождение от всякого иностранного влияния» (47 стр.).

Энвер, этот авантюрист, запродавший Турцию германскому империализму, хотел попытать счастья в советской Средней Азии ради своих личных, корыстолюбивых и властолюбивых целей.

В остальном идет описание Энверовского движения, которое известно советскому читателю.

В главе «Политическая ситуация после смерти Энвера», автор дает сведения о басмаческой конференции в Кабуле в августе 1922 года, с участием турецких офицеров, бывших соратников Энвера (61 стр.). Конференция имела целью выработать организованный план басмаческих операций против Красной армии на весну 1923 года.

В результате этой конференции в Туркестан был направлен турецкий офицер Селим-паша, который выпустил «прокламацию», призывающую всех российских мусульман приступить к борьбе под знаменем ислама, с целью освободить Туркестан, Хиву, Бухару и Закавказье от ига коммунистов» (62 стр.).

Затем автор говорит о соглашении между Англией и экс-эмиром бухарским, в котором Англия обязывалась снабжать басмачей оружием и проч.

В последней главе своей книги автор, несмотря на свою антисоветскую психологию и идеологию, вынужден признать, что « народы Центральной Азии видят сегодня лучшие дни, что национальная индивидуальность тюркских народов признана Советским правительством, что языки коренного населения как узбекский, туркменский, киргизский, на которых говорят потомки джагатайских тюрок—признаны официальными, что представители коренного населения занимают административные должности, что пятница официально признана общим для всех недельным праздником: все это свидетельствует о происходящих изменениях, начиная с Октябрьской революции» (74 стр.).

В заключение нужно сказать, что книга Кастанье представляет немалый интерес для изучения весьма сложных и запутанных событий в Туркестане в годы гражданской войны.

Книга представляет особый интерес в тех местах, где автор описывает роль английских агентов и их наймитов—русских белогвардейцев, контрреволюционных движений в Туркестане в период с 1917 по 24 г. г.

К. Василевский.

С. Т. Филиппов—«Боевые действия на Закаспийском фронте». С предисловием Н. А. Паскуцкого. Юбилейное издание Туркмен-истпарта к десятилетию Красной армии. Стр. 133+11.

Трудности, которые стоят перед всяким историком Туркестана, сложность классовых и национальных отношений, запутанность внутренних и внешних политических условий, требуют от всякого начинающего писать по вопросам гражданской войны в Туркестане самой серьезной и всесторонней проработки сырого материала и весьма осторожного подхода к установлению общих положений.

Автор рецензируемой книги не хочет считаться с этим. Судя по книге, автор считал, что его задача заключается в том, чтобы, собрав архивный материал, расположить его в хронологическом порядке и затем собранные документы частью изложить, а частью переписать текстуально. Взвешивать собранные в архиве документы на весах марксистской социологии, отсеивать нужное от ненужного автор считал совершенно излишним. Только этим можно об'яснить наличие грубейших ошибок, упущение серьезнейших и нужнейших вопросов и в то же время заполнение десятков страниц совершенно ненужным материалом.

Причины, вызвавшие начало Закаспийского фронта, по Филиппову, сводятся к регистрации мужского населения и к нетактичному поведению т. Фролова. Так ли это? Ну, а если бы в Закаспии не была бы об'явлена регистрация взрослого мужского населения, если бы т. Фролов был бы более тактичен, то в таком случае была бы контр-революция в Закаспии или нет? Мы думаем, что была бы.

Действительные причины возникновения Закаспийского фронта нужно искать не в этом—оно могло служить только поводом—а в тех социальных условиях, которые в то время имелись налицо в Закаспийской области. И вот этих-то самых условий автор совершенно не коснулся, они остались неизвестными для читателя, в результате чего у рядового читателя, привыкшего верить на слово тому, что написано в книжке, составится совершенно превратное понятие о причинах возникновения Закаспийского фронта.

Несколько раз автор отмечает участие туркмен в контр-революционном движении, совершенно не пытаясь об'яснить причины этого факта. Между тем, такой вопрос представляет громаднейший не только научный, но и практический интерес.

Участие индо-британских частей (сипаев) в закаспийской контр-революции и те побудительные мотивы, которые привели их в Закаспий, также представляют собой чрезвычайно интересный и важный вопрос. Мимоходом отмечая факт участия сипаев в Закаспийской контр-революции, автор вовсе не попытался выяснить, что нужно было Англии в Закаспии, зачем и почему появились там индо-британские войска?

Вся громаднейшая работа организационного и политического характера, проделанная нами, автором совершенно упущена. Между тем, эта работа была и именно эта громаднейшая, кропотливая и весьма сложная работа большевистского подполья и политического отдела Закаспийского фронта в значительной степени обеспечила собою нашу победу над закаспийской контр-революцией. Не освещена также роль контр-революцион. эсеров и меньшевиков.

Партия в борьбе на Закаспийском фронте почти совершенно не фигурирует, а те моменты активнейшего участия партии в этой борьбе, которые в книге отмечаются, автором совершенно смазаны. О том, насколько это вредно, говорить совершенно не приходится; нужно только удивляться тому, что это смазывание роли партии в гражданской войне приходится отмечать в книге, выходящей в свет в издании Истпарта.

Книжка загромождена совершенно сырыми и, главное, никому ненужными материалами вроде списков, приказов и т. д. Приведение доку-

ментов вещь хорошая, но эти документы хороши тогда, когда они приводятся для иллюстрации какой-то мысли, для доказательства какого-то положения, но даже и с этой целью приводить нужно действительно яркие, представляющие собою интерес документы. Иначе обстоит в рецензируемой книге т. Филиппова. Здесь автор просто вписал в свою книгу имевшиеся в его распоряжении документы совершенно безотносительно к их ценности.

Здесь не место делать оценку книги с точки зрения военной, но все же необходимо отметить, что и в этом отношении рецензируемая книга не удовлетворяет весьма многим требованиям. Сделать по ней какие-нибудь общие тактические выводы совершенно невозможно.

В общем, книга и только в некоторой своей части имеет ценность, как сырой материал для дальнейшего изучения истории классовой борьбы в Закаспии.

В. Березкин.

Вокруг Истпарт.

Постановление Средазбюро ЦК ВКП(б) по линии Истпарт.

В связи с слиянием Института Ленина при ЦК с Истпартом ЦК и с укрупнением местных Истпарт (в Средней Азии ликвидируется Истпарт Нац. ЦК) ЦК ВКП(б) в своей директиве местным парткомам (от 21/IX с. г.) указывает на необходимость озаботиться, как об обеспечении выполнения задач, возложенных на местные истпарт, так и о привлечении широкой партийной общественности к работам по изучению прошлого нашей партии.

Во исполнение данной директивы предложить Истпарту:

1. Основными вопросами для проработки на ближайший период выделить следующее—партия в Туркестане, нацполитика, басмачество, продолжая наряду с этим работу по изучению Октября, гражданской войны и др. вопросы истпартовского характера. Для проработки основных вопросов организовать три комиссии (к изучению басмачества привлечь ПУОКР Средней Азии).

2. Для обеспечения возможности вовлечения в работу быв. участников ревдвижения и для проработки отдельных вопросов товарищей из местного населения привлечь студентов из военшколы востоковедения и других, в порядке партийной нагрузки, знающих местные языки.

3. Истпарт совместно с АПО наметить формы исследовательской работы по истпарт в САГУ.

4. Вместо литературного совещания считать целесообразным:

а) группу ответственных редакторов;

б) основные моменты истпартовских исследовательских работ (и воспоминания) пропускать через группы участников данного эпизода научного исследовательского кружка органов САКУ;

в) разработку планов и прочих основных вопросов прорабатывать при участии Истпарт актива, АПО Средазбюро ЦК и АПО Нац. ЦК и Киробкома ВКП(б).

5. Для подготовки и издания работ (на русском языке) забронировать для Истпарта 4 тысячи рублей.

Примечание. Сюда не входит издание сборника Истпарт. Издания на нацязыках внести в планы соответствующих ГИЗ'ов через Нац.ЦК. На нацязыках печатать и отдельными брошюрами наиболее ценные статьи сборников; воспоминания и проч. печатать в местных журналах.

6. О местных Истпартах:

а) поставить вопрос перед ЦК ВКП(б) и Киробкомом ВКП(б) о целесообразности ликвидации Истпарт и при Киробкоме ВКП(б), а штатную единицу передать Истпарту Средазбюро ЦК ВКП(б);

б) согласиться с решением ЦК КП(б)Т от 11/XI с. г. о выделении уполномоченного Истпарт Средазбюро при ЦК КП(б)Т и создании при нем туркменской комиссии, предложить ЦК КП(б)Т кандидатуру уполномоченного согласовать с Истпарт Средазбюро ЦК ВКП(б).

О дальнейшей работе в Узбекистане и Киргизии (после ликвидации Истпарт и в Киргизии) договориться особо с ЦК КП(б) Узбекистана и Киробкомом ВКП(б).

7. Считать необходимым план и программы по отдельным вопросам и содержанию изданий Нац. ГИЗ'ов по истории партии и ревдвижению в Средней Азии, помимо АПО ЦК Нацкомпартий и Обкома, согласовать и с Истпарт Средазбюро ЦК ВКП(б).

8. Истпарт Средазбюро ЦК ВКП(б) укрепить квалифицированными работниками.

9. Предложить Средазбюро ВЛКСМ выделить соответствующего товарища для постановки Истмола.

10. Фракции Средазбюро ВЦСПС предложить оживить работу Истпрофа.

За секретаря Средазбюро ЦК ВКП(б) **Н. Гикало.**

Звейнек.

Истпарт ЦК КП(б)Т.

Внимание Истпарту со стороны ЦК КПТ создало благоприятные предпосылки к развертыванию работы в Туркмении. Истпарт проработал около 1½ лет. Удалось не только двинуть научно-исследовательскую работу, но и организовать общественное мнение вокруг Истпарт. Особенно эта часть работы двинулась в связи с проведением ряда юбилейных дат в текущем году—10 лет возникновения Закаспийского фронта, расстрел 26-ти бакинских комиссаров, 9-ти комиссаров Закаспийской области, первого туркестанского комиссара труда т. Полторацкого.

Привлечение общественности усилило приток исторических материалов, воспоминаний участников ревдвижения в Туркмении, фотоснимков и прочих исторических ценностей. Открыта подпольная типография 1906—7 г.г., где найдено 2½ п. шрифта.

Это, в свою очередь, дало возможность поставить вопрос об организации в Ашхабаде Музея Революции (приобретено свыше 4 тысяч экспонатов).

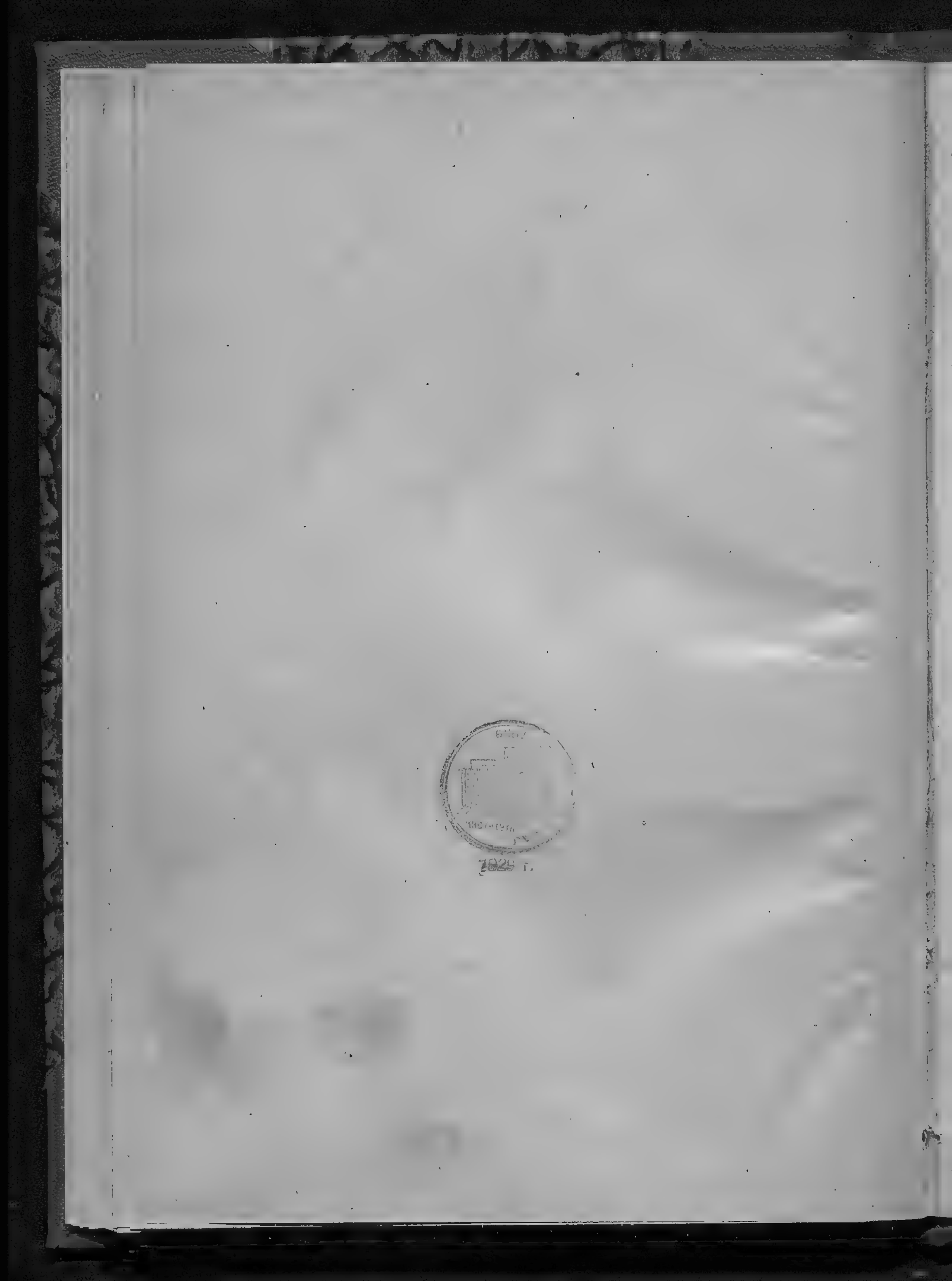
На местах, в рабочих районах организованы комиссии содействия и выделены уполномоченные в помощь Истпарту.

В основном Истпарт использовывал местные газеты и журнал «Туркменведение» для статей, очерков и заметок, освещающих отдельные моменты ревсобытий в Туркмении.

Отдельными изданиями были выпущены—«Боевые действия на Закаспийском фронте», С. Т. Филиппова, «Красная армия и Красная гвардия в Туркмении», Т. С. Козлова, «Зачатки большевизма в Туркмении», Козлова.

Закончена проработка хроники событий за 17 г.

Редакционная коллегия: *Антропов, Нодель, Письменный, Финкельштейн, Ходжанов.*

Цена 1 руб.

40

